

Сергей Герасимов

Психология зла

Сергей Владимирович Герасимов
Психология зла

Авторский вариант
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156433

Содержание

ГЛАВА 1	6
1.1. ЭФФЕКТ МАЯТНИКА	6
1.2. ЗЛО КАК БОЛЕЗНЬ.	8
1.3. ЗАРАЖЕНИЕ ИДЕЕЙ. ЛИХОРАДКА.	10
1.4. СРАЗУ ПОСЛЕ ЗАРАЖЕНИЯ. БЕССИМПТОМНАЯ ФАЗА.	14
1.5. СТЫД КАК ПРИВИВКА ОТ ЗЛА.	17
1.6. ИММУНИТЕТ КО ЗЛУ	22
1.7. ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАРАЖЕНИЯ И ОТВРАЩЕНИЕ	25
ГЛАВА 2	27
2.1. ВИРУС	27
2.2. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВИРУС	28
2.3. МУТАЦИЯ ИДЕИ	30
2.3. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ЭПИДЕМИИ	32
2.4. МОРАЛЬНАЯ ЭПИДЕМИЯ	35
2.5. БОЛЕЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ	39
2.6. АНАЛОГИЯ С ИЗВЕСТНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ	42
2.7. ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕЧЕНИЯ	44
ГЛАВА 3	49
3. 1. НЕКОТОРЫЕ КВАНТОВЫЕ ЭФФЕКТЫ	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Герасимов

Психология зла

Зло привлекает – как раз поэтому большинство из вас открыли книгу под названием «Психология зла» и прочли первые строки.

Чем может быть эта книга? Скучной монографией или сборником статей с десятью тысячами сносок, пояснений и примечаний? Но зло слишком живое, оно не поместилось бы в такую книгу.

Эзотерическим трактатом? Нет. Зло слишком явно и ясно присутствует в каждой капле нашей жизни – закутанное в туман, оно стало бы непохожим на себя.

Никто не знает, что такое зло, но зато каждый чувствует его совершенно отчетливо, – его ни с чем не спутаешь, даже малое зло, причиненное нам и не замеченное сразу, спустя время будет болеть как синяк.

Сборником нравоучений? Но и так достаточно туповатых учителей жизни, неубедительно доказывающих на все лады что быть плохим это плохо, а хорошим – лучше.

Теологическим исследованием, может быть? Но зло – слишком уж земной цветок, чтобы объяснять его небесными вихрями. Зло живет в душе, это правда, но оно больше похоже не на демона, а на вирус герпеса, который всю жизнь прячется в нашем мозге и нервах, часто вылезает на кожу в виде маленькой лихорадки у губы или носа, но иногда может запросто убить.

Пересказом личного опыта закоренелого садиста? – но такой человек состоит в слишком близких отношениях со злом, он не может увидеть зло объективно и со стороны, – так же хирург не может делать операцию самому себе. Да и привлекла бы такая книга лишь извращенцев.

Это книга о каждом – о вас и обо мне. О том зле, что схоронилось в каждой складке жизни. О зле, как ежеминутной властительной силе, такой же безличной и сверхмогущей, как сила трения, – силе, которую нельзя отменить или заклясть, но можно познать. Той силе, которая мешает каждому из нас быть счастливым. Той силе, которая превращает жизнь каждого человека в драму, трагедию или страшилку.

Жизнь ведь всегда трагедия и не раз и не два каждому из вас еще придется воскликнуть: Господи, почему? За что? Почему именно я? – еще и поэтому вы открыли книгу под названием "Психология зла".

В книге много примеров. Они используются не как доказательства, а как иллюстрации. Большая их часть – это примеры-признания. Не все они принадлежат разным людям. Практически каждый такой пример – это не дословная запись, а пересказ, сделанный через некоторое время после признания. Когда рассказывают о себе такие вещи, это всегда получается случайно, это не интервью с блокнотом в руке. Я старался сделать пересказ как можно точнее и, во всяком случае, четко передать все существенные детали. Я думаю, что мне это удалось. Некоторые детали были изменены, из этических соображений. И лишь немногие примеры, например, признания будущего убийцы-садиста, записаны точно, даже с сохранением орфографии.

Большинство примеров – это признания мужчин и только некоторые сделаны женщинами; с этим недостатком мне пришлось смириться.

Эта книга – исследование, но не строгое научное исследование со стройными рядами оскалившихся формул. Мне больше нравится гуманитарный подход к человеку – ведь подойдя иначе, чувствуешь себя так, будто пьешь воду через нос. Я не избегал образного изложения и метафор, поэтому текст местами становился почти текстом художественного

произведения. Вам судить, недостаток это или достоинство. Я хотел написать хорошую книгу, вот и все.

Настоящая книга должна вызывать чувство легкого ужаса или хотя бы замешательства перед истиной. Впечатление от нее, мне кажется, должно напоминать впечатление того жителя Хиросимы, который за секунду до взрыва нырнул в реку, а вынырнув, увидел вокруг совершенно иной мир, и понял, что старого мира уже нет. Пусть не совсем так, но хотя бы на долю процента – погрузившийся в книгу, должен вынырнуть в изменившемся мире. Я надеюсь, что хотя бы кто-то из вас почувствует это изменение.

ГЛАВА 1

ЧЕЛОВЕК И ИДЕЯ

1.1. ЭФФЕКТ МАЯТНИКА

Начнем с эксперимента.

Попробуйте представить себе огромный маятник длиной во много километров.

Просто сосредоточьтесь и представьте. Нить спускается из облаков и на ней висит тяжелый шар величиной с дом. Когда я представляю это, то обычно вижу трос и на нем глыбу темного свинца – все это яркой лунной ночью, яркой, как негатив солнечного дня – такой светлой, что, кажется, даже можно читать газету. Вокруг поздняя осень или ранняя зима, широкое пустое поле, несколько голых деревьев, темные домики и деревянная церквушка вдалеке. И над всем этим свинцовая глыба на нити: многокилометровый маятник. Впрочем, пейзаж можете представить любой, это дело вкуса. Только постарайтесь, чтобы образ был ярким. В этом вся суть.

Затем качните маятник и продолжайте раскачивать. Первая вещь, которую вы сразу же замечаете: маятник, совсем как настоящий, раскачивается медленно и постепенно, во всяком случае, не хочет идти в первые колебания, он тяжел и инертен, нить вздрагивает, гудит, маятник сопротивляется, но наконец проходит первую медленную дугу. Раскачиваем дальше. Вот уже тяжелый шар летит, рассекая воздух, со свистом, и ветви деревьев гнутся, чувствуя движение раздвигаемого воздуха. Посмотрите внимательно за ним несколько колебаний. Просто посмотрите.

Вот оно – чистейшее создание ума, идеал бесплотности, нечто, что не существует, не существовало и не будет существовать – более того, нечто такое, что не может существовать – вдвойне несуществующее. Чистая игра разума. Чистая идея.

Чистое ничто. А теперь МГНОВЕННО остановите его – пусть он зависнет неподвижно.

Попробуйте это сделать.

Ну как, получилось? Маятник сопротивляется. Маятник, если вы его хорошо вообразили, не остановился. Он продолжает свое качание. И сколько бы раз вы ни пробовали заставить его замереть в пространстве, он уходит от предназначенной точки, не подчиняясь вам.

Есть несколько способов «якобы» остановить его. Можно представить маятник, заснятый на киноленту – вдруг пленка останавливается, замирает кадр. Да, кадр замер, но оригинал ведь продолжил движение. Посмотрите не на пленку, а на маятник – он все так же качается. Попробуйте поставить преграды на его пути, даже поставьте бетонную стену – он их снесет. Можно, конечно, подставить гору, шар ударится, успокоится и ляжет на нее – но ведь это уже не маятник, а просто шар, лежащий на земле. Маятник вы так и не остановили. Он не подчиняется вам.

Сосредоточившись, вы ясно ощутите его сопротивление.

Но это мелочь, это совсем не важно. Какое же это может иметь значение для жизни? – спросите вы. Примерно такое же, как первая трещина для плотины или для горной лавины первый покотившийся камешек.

Задумайтесь: создание нашего ума, абсолютно бесплотное, вдвойне несуществующее, только родившись, сразу же не подчиняется нам? Но как же так может быть? Не подчиняется своему отцу и хозяину? Впервые я представил маятник лет пятнадцать назад. Время от времени я вспоминал о нем. Все эти годы он продолжал качаться. Когда я вспоминаю о нем

и представляю его, он качается, как качался и раньше. Он не остановится никогда. Он не остановится даже несколько поколений спустя, потому что я рассказал о нем людям и сейчас он качается внутри их воображений. Он почти бессмертен и НЕ ПОДЧИНЕН МОЕЙ ВОЛЕ. Он, чистая идея.

Я выдумал его, а он сразу же обрел собственную жизнь.

Вы думаете, что так обстоит дело лишь с идеей большого маятника? Ничуть.

ЛЮБАЯ ИДЕЯ, ЕДВА РОДИВШИСЬ, УЖЕ НЕ ПОДЧИНЯЕТСЯ СВОЕМУ СОЗДАТЕЛЮ. Она сильнее своего "хозяина". Назовем это эффектом маятника.

Идея вступает в свою собственную жизнь, не подчиненная нам. Так было с идеей каменного топора. Где-то кто-то на опушке древнего леса нагнулся, взял в руки камень, ударил по нему другим камнем и использовал орудие как топор. Идея топора, родившись, обрела собственную особую жизнь и продолжила ее в тысячелетиях – вырубая леса, защищая, как алебарда, и снося головы, как гильотина. Кстати, изобретатель гильотины окончил жизнь под ножом своего детища – и его идея тоже не подчинилась ему. Наполеон нянчился с идеей завоевания, и эта же идея его и погубила. Идеи Христа подняли его на крест. Вот разве что Галилей успел сбежать от своей идеи, которая уже открыла над ним клыкастую пасть и облизнулась. А идея пролетарской революции? Не она ли сгубила большинство революционеров, вкуче с контрреволюционерами? А, возможно кровожаднейшая из идей, идея свободы-равенства-братства? Сколько людей она сожрала? А идея атомной бомбы? Сколько ни пытается человечество подчинить эту вредную идею себе, этого никогда не удастся сделать. Потому что идеи бессмертны и неподвластны никому, кроме собственной логики развития.

Столько людей было уничтожено казнями и сломлено пытками за протекшие тысячелетия, столько книг было сожжено, столько разрушено памятников и сокрыто улик – но была ли уничтожена, вырвана с корнем при этом хотя бы одна идея? Даже самая вздорная? Что значит и к чему приводит эта пугающая жизнеспособность и способность к распространению? – идеи расползаются среди людей, как чернильные пятна на промокашке. Идеи сжигают нас, как лесной пожар.

Идея поражает нас как болезнь, от которой нет лекарства.

1.2. ЗЛО КАК БОЛЕЗНЬ.

ПРИМЕР 1. Преследование упрямых

Нашим любимым занятием было преследование жертвы. Жертву мы намечали заранее, из тех, которые привлекали внимание, например, были некрасивыми, хилыми, смешными, злыми, с разными физическими недостатками или упрямыми. Больше всего нам нравилось преследовать упрямых или заикающихся. Мы начинали с мелких приставаний или издевательств, чтобы для начала он запомнил нас в лицо и стал бояться. Выбирали только мальчиков, девочки в этом плане для нас не существовали. Один раз попробовали пристать, но оробели. Просто один оробел, а остальные удивились, так и не вышло. Потом переходили к сильным способам: всякое вымогательство, порча вещей, вполне просто так, нам нравилась в этом деле именно игра. Если получалось выманить немного денег, не отказывались. Были такие, которые пробовали от нас откупиться. Но конечно, не откупались. Нам надо было заставить его жить в постоянном страхе, мы хотели полного подчинения, и его добивались. Я еще тогда понял, что непрерывного страха люди не выносят, они согласны на все, чтобы избавиться от этого состояния. Поэтому мы не спешили, а растягивали удовольствие. Один как-то пошел на нас с палкой, но мы его обломали, может быть даже слегка искалечили. Потом он исчез из нашего района, мы искали, но не нашли. Только в самом конце процедуры, месяцев через несколько, мы переходили к чисто болевым средствам воздействия, с каждым по-разному, одного например, всякий раз загоняли в переулок и там по очереди били его лбом о стену. Это было с упрямым. Он все равно продолжал упрямиться, вырываться и ругать нас. Его мы так и не сломили. Но это исключительный случай. Обычно мы бросали и забывали наши жертвы после того, как выжимали из них все соки – когда они теряли остатки человеческого достоинства. Нас это удовлетворяло. Наверное этого мы добивались, хотя мы не знали, чего добиваемся.

Мы просто делали так, потому что не могли иначе. За следующие годы ни одна из наших прошлых жертв не пробовала отомстить. Однажды я встретил одного такого, когда учился курсе примерно на третьем. Он очень изменился, но мы друг друга узнали. У меня не было к нему ни малейшей враждебности, я просто удивился, что из скулящей дряни он стал обычным человеком. В тоже время мы также любили загонять и забивать палками собак, но не любых собак, а всяких противных трусливых болонок, которые от страха лаяли на нас и продолжали злобно визжать до самой своей смерти. Если бы они смирились и сдались, мы бы их отпустили. Они сами были виноваты во всем. Как и тот упрямый, который предпочел простучать своим лбом по каждому кирпичу.

Человек, которому принадлежат эти слова, был самым рьяным участником той компании. Сейчас он благополучен. Он был благополучен и до того, и после. Он не негодяй, а даже напротив – довольно добрый и чуткий человек. Никто из людей, которые близко знают его сейчас, не смог бы и предположить, что он способен на такое. Сейчас ему около сорока и его дети неплохо воспитаны. Никогда, даже в те дни, он не замечал за собой особенной злобности. Эпизод, о котором он рассказал, длился в его жизни около года, при этом вроде бы возник из ничего, на пустом месте, и ни к чему не привел. Что-то «нашло». Правда, его товарищам повезло меньше: один из них сейчас алкоголик, другой сидел в тюрьме, об остальных ничего неизвестно. Такое впечатление, что этот человек ПЕРЕБОЛЕЛ

НЕПРИЯТНОЙ БОЛЕЗНЬЮ и затем выздоровел. Другие не выздоровели или выздоровели не полностью. Возможно, кто-то до сих пор испытывает последствия той болезни, а кто-то приобрел стойкий иммунитет.

Сходство безнравственного поведения с болезнью проявляется во многом, и вскоре мы это увидим. Но зло – это не болезнь тела и не помрачение рассудка, это что-то принципиально иное. Это не сумасшествие и не бешенство, скорее, это МОРАЛЬНАЯ болезнь, которой можно ЗАРАЗИТЬСЯ, которой можно ПЕРЕБОЛЕТЬ, от которой можно ВЫЗДОРОВЕТЬ или УМЕРЕТЬ.

Термины «заболеть» идеей, «заразиться» страхом, «заражение» ненавистью, выражения типа "микроб тщеславия" постоянно встречаются в книгах по психологии, как в серьезных, так и в популярных, но встречаются в кавычках. Так что идея о сходстве зла с болезнью не нова, существуя в неявном виде, она уже давно владеет умами. Самое раннее упоминание о заражении злом, которое мне встретилось, относится ко второму веку до нашей эры.

Но если продолжить аналогию зла с болезнью, тем более, с такой болезнью, которая легко передается от человека к человеку, то сразу встанет вопрос: А что является переносчиком этой болезни? Невидимый грибок, вирус, бактерия, амеба, вибрион, палочка или, может быть, мелкое насекомое или червь? Конечно же нет.

Единственным заражающим агентом может быть ИДЕЯ – идея зла.

Все мы знаем, что «заболеть» идеей просто. Один копит деньги, чтобы поехать в горы – он «заболел» этой идеей. Другой пытается попасть в книгу рекордов и для этого рискует жизнью – его болезнь смертельно опасна. Третий хочет совершить государственный переворот – этот тяжело болен каким-нибудь политическим "-измом". "Если враг не сдается, его уничтожают", – под гипнозом этой фразы совершены тысячи, если не миллионы убийств. Человек еще не успел задуматься, а простой афоризм ненависти уже выскочил из памяти и орет во весь голос: делай так!!! Несколько совершенно необоснованных слов воспринимаются как обязательное руководство к действию.

Можно «заболеть» любой идеей – хорошей, плохой или нейтральной. Причем в слове «заболеть» гораздо больше правды, чем это может показаться на первый взгляд.

1.3. ЗАРАЖЕНИЕ ИДЕЕЙ. ЛИХОРАДКА.

Сходство есть даже в словах. Человек, заболевший идеей, «горячится», «горит», ему советуют «не пороть горячку». С другой стороны, горячка, или повышение температуры, сопровождает острое начало многих заболеваний: тот момент, когда человеком овладевает ИНФЕКЦИЯ. Или тот момент, когда человеком овладевает ИДЕЯ. И то, и другое начинается горячкой.

Вспомните, как ведет себя маленький ребенок, увидевший в магазине красивую игрушку. Еще минуту назад он был спокоен и игрушка была ему совершенно не нужна. Но вот он видит ее, удивляется и требует купить. Он горячится. Если мать отказывается, то его желание только усиливается, он начинает хныкать, настаивать или даже устраивает истерику. Что происходит дальше? Мать, скрепя сердце, покупает игрушку и с этого момента эмоции ребенка начинают затухать.

Придя домой, он играет с новым своим сокровищем, на следующий день тоже играет, но уже не так охотно, а затем забрасывает его совсем. Все – теперь он "переболел" и выздоровел. До тех пор, пока не увидит в магазине новую игрушку и снова "загорится".

Так же ведет себя и взрослый человек, с той только разницей, что его эмоции не столь заметны и он умеет сдерживать свои желания. Если продолжить аналогию с болезнью, то можно сказать, что у него уже выработан определенный иммунитет. Как ходит по магазинам женщина (предположим, женщина, которая не стеснена в средствах)? – Она тоже загорается, увидев, к примеру, красивое платье и даже забывает, что собиралась купить не платье, а браслет. И даже если у нее дома восемь красивых платьев, она может купить девятое. Из чистой прихоти. Так ребенок коллекционирует игрушки, которыми потом почти не играет.

И мужчина ведет себя подобным образом. Наткнувшись на вещь, которая ему понравилась, но которая только что абсолютно не присутствовала в его мыслях, он "задумывается". Размышление это на самом деле – просто самооправдание: он подбирает причины, по которым должен это купить. Если он выдумает достаточное количество причин (или одну вескую), он покупает. И совершенно не думает о том, что если бы он прошел по другой улице и не увидел данной вещи, то не было бы ни каких причин совершать покупку. Идея овладевает человеком и заставляет его "погорячиться".

Горячка при обычной болезни может сопровождаться головной болью, расстройством сна и, если температура очень высокая, даже расстройством сознания. Нарушения сна обычны и для «идейной» горячки: можно плохо спать, предвкушая исполнение заветного желания. А расстройство сознания или, по крайней мере, расстройство логики мышления при «идейной» горячке просто бросается в глаза.

Человек, погорячившись, может принять решение явно в ущерб собственным интересам – например, истратить на ненужную покупку деньги, которые были совершенно необходимы для чего-то другого. При этом мысленный процесс часто сводится к оправданию решения, которое уже ПРОДИКТОВАНО ИДЕЕЙ. Человек уже заражен идеей и идея заставляет его искать оправдание поступку. И если обдумать свои действия позже, то понимаешь, что действительно знал ответ заранее, а оправдательные доводы не выдерживали разумной критики. Но тогда, в тот момент, они казались достаточными.

В следующем примере молодой человек, погорячившись, принял решение, которое едва не изменило его судьбу.

ПРИМЕР 2. Пойдем в солдаты.

Однажды со мной случилась странная вещь. Я заканчивал университет и в плане учебы все было в порядке, более или менее. Не могу сказать, что мне нравилось учиться, было тяжело. Особенно тяжело было сдавать экзамены – эта забубенная подготовка, нет ничего хуже. Будущая профессия меня тоже не очень привлекала. Но в противном случае грозила армия – и еще это удерживало меня. В один весенний день, примерно за месяц до экзаменов меня осенило, я подумал: а что такого плохого в армии? Я, само собой, не верил рассказам о том, что армия, мол, делает настоящих мужчин, что быть солдатом и хранить мир это геройство, но почему-то мне представилось, что в армии легче, чем сдавать экзамены. Мозги отдыхают – это уж точно, точнее не придумаешь. Был очень сырой день, с небольшим дождем, но я сел на скамейку и стал выдумывать разные причины по которым должен бросить университет ради армии. Выдумал причины для себя, для родственников, для друзей и для замдекана, потом грустно принял решение, сказав себе, что это самое логичное и правильное в данной ситуации. Я даже сказал себе, что у меня нет другого выхода. Я собрался подавать заявление и уже подумывал о формулировках. Но когда я пришел на вторую пару, оказалось, что ее отменили. Это мне так понравилось, что тяжкое решение отложилось на неопределенный срок, а потом вообще выветрилось. Теперь я не могу понять, как нашло на меня такое затмение.

Особенно тяжелый характер принимает горячка, если у человека вообще нет времени подумать. В этом случае логическое мышление может не только растравиться, но и полностью разрушиться.

Малолетний хулиган, увидав на вечерней улице врага (живет на чужой улице или вообще принадлежит к другой банде), ведет себя так же, как и истеричный ребенок в магазине игрушек. Он не думает, он не взвешивает, он охвачен горячкой чувств. Он достает нож и вступает в схватку. В результате оба противника попадают в больницу с ножевыми ранениями. Сразу на операционный стол – зашивать. Вы слышали когда-нибудь, что говорит такой субъект на операционном столе, еще не усыпленный наркозом? Говорит ли он на том языке, которым пользуются здоровые люди? – нет. Может быть, он изливает потоки грязной брани или клянет судьбу? – тоже нет. Он нечленораздельно воеет, издавая абсолютно звериные звуки. В этих звуках нет ни намек на искру разума. Так не может быть собака – собака достаточно разумное животное. Немного это напонирует вой быка, которого забивали молотом по лбу, но не убили с одного удара. Еще это похоже на стоны предельно пьяного и к тому же очень злого человека. Остались лишь чувства

– чувства, которые погасили разум.

Увы, многие военные подвиги так же совершаются в состоянии лихорадки.

Человек бросается под пули не от того, что он боготворит мерзкого вожда, пославшего его на бойню – а от того, что разум его гаснет, а воспаленные чувства слепо толкают куда-то вперед.

Лихорадку вызывают не только какие-нибудь особенные, редкие идеи, но и вполне обычные, приходящие к нам на ум ежеминутно. Часто мы делаем не то, что нужно, а то, что "взбредет в голову". Человек стоит на остановке троллейбуса и ждет, изнывая, уже минут сорок. Но вот появляются сразу два троллейбуса. И что же он делает? – он следует случайной идее: сесть во второй, потому что там будет меньше народу. Еще минуту назад он был согласен уехать как угодно и на чем угодно, а теперь долгожданный троллейбус его не устраивает. Он пропускает первый троллейбус и собирается сесть во второй. Но второй, оказывается, идет в депо – и несчастный остается на холодной остановке, проклиная свою непоследи-

тельность. Вот такое умственное прескакивание с хорошего на лучшее можно наблюдать у самого себя по несколько раз в день, при достаточной наблюдательности. Назовем это, условно, "эффект троллейбуса". Приведу еще пару обычных примеров его проявления.

Женщина идет на рынок, чтобы купить клеенку. Ее устроит ЛЮБАЯ. Но вот, среди большого выбора клеенок, она видит одну, по ее мнению, лучшую. К сожалению, лучшей клеенки остался только маленький кусочек. Что же эта женщина делает дальше? Покупает другую? Нет – она начинает обходить рынок в поисках той клеенки, которая приглянулась. Не находит и в конце концов не покупает ничего вообще. То есть очень простая цель похода на рынок – купить любую клеенку – оказалась недостигнутой.

Женщина идет на рынок, чтобы купить продуктов. Увидев, например, мясо по удивительно низкой цене она – как вы думаете? – конечно, она его не покупает, хотя и цена, и качество продукта ее вполне устраивает. Она заражается идеей о том, что цены на рынке сегодня низкие и, раз встретила такая низкая цена, то можно найти и еще ниже. И она оставляет продукт, который ей идеально подходил.

После часа бесполезных скитаний по рынку она возвращается, но дешевое мясо уже все распродано.

Между количеством находящегося в распоряжении населения оружия и числом убийств есть тесная и очень простая зависимость. С ростом обладания оружием количество убийств возрастает. Большинство убийств не имеют связи с другими насильственными преступлениями, это просто столкновения, которые развиваются из ссор между родственниками, друзьями или знакомыми, то есть совершаются в пылу борьбы "за справедливость". В этих ситуациях как раз и применяется оружие, причем без оглядки на опасность для жизни.

Вопрос: а почему без оглядки? – Ответ: да потому что "в пылу".

Итак, тот, кто заражается идеей, может "в пылу" совершать поступки, которых бы никогда не совершил в спокойном состоянии. Запомним это как эффект лихорадки. Кстати, английское fever (лихорадка) одновременно означает и жар, и нервное возбуждение.

Еще несколько примеров.

Во время ссоры одному из супругов приходит в голову особенно колючая фраза, бьющая в самое больное место – и он произносит ее, он не может удержаться, несмотря на то, что предчувствует последствия. И он видит, как меняется в один момент лицо любимого человека и он клянет себя за эту фразу, но уже ничего не поправишь.

Молодой преподаватель готовится к каждой лекции, как студент к экзамену – и лекция идет в нужном направлении, как вагон по рельсам. Но вот, посередине стандартной фразы ему в голову приходит новая идея и он сворачивает в сторону и начинает без подготовки говорить о том, о чем совершенно не собирался.

Только что я начал читать статью, в которой меня интересовало всего несколько фраз – но увлекся и дочитал до конца, хотя продолжение и не имело никакого отношения к моей работе. Просто потому, что наткнулся на слово, которое сработало, как спусковой крючок.

И так далее. В случаях СИЛЬНОЙ "идейной горячки" человек испытывает совершенно особенное чувство, сродни УПОЕНИЮ. "Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю..."

Бой действительно может быть упоительным. Однокоренные слова: пить, упиться, напиться пьяным – то есть потерять разум. И радость есть в бою: "И он промчался перед полками, могуч и радостен, как бой..." И есть ощущение собственной силы. В момент лихорадки исчезает страх, вина, чувство ответственности, все то, что могло бы блокировать ненужное поведение – ты словно поднимаешься на волне и волна тебя несет, становишься выше других и себя самого в нормальном состоянии, ты как будто таран, который может снести любые стены.

Время течет течет по иному. Ты видишь вещи ярче и отчетливее. Если ты нападаешь, то то чужая боль меняет знак: она становится приятной. В лучшем случае это называется

вдохновением или упоением. В худшем – это амок или слепое бешенство. Фанатик-террорист может быть счастлив, даже взрывая бомбу прямо у себя под ногами.

1.4. СРАЗУ ПОСЛЕ ЗАРАЖЕНИЯ. БЕССИМПТОМНАЯ ФАЗА.

ПРИМЕР 3. СПИД

В течение нескольких недель после инфицирования СПИДом большинство людей испытывают неспецифические симптомы, такие как лихорадка (повышенная температура), головная боль и чувство неясного дискомфорта. Эти симптомы продолжаются около двух недель. В течение этой фазы вирус СПИДа активно размножается, мутирует, распространяется с кровью и проникает во все органы тела. В этот период больной очень заразен. Затем начинается следующая фаза – бессимптомная, которая может продолжаться десять лет или более. В это время человек выглядит практически здоровым. И затем наступает первая опасная для жизни фаза болезни.

Многие инфекционные болезни развиваются так же: после недолгой лихорадки организм приспосабливается и некоторое время болезнь не проявляет себя. А что происходит при заражении идеями?

Это несложное наблюдение заняло у меня около пяти лет. Ученикам шестого класса (возраст – примерно двенадцать лет) в летнем трудовом лагере я рассказал сказку вполне детского содержания, что-то о мальчике и драконе. Сказка могла бы быть действительно интересной примерно для десятилетних детей. Шестиклассники воспринимали ее с умеренным интересом. Я не закончил рассказывать и пообещал, что продолжение будет "когда-нибудь потом". В первый момент дети "погорячились", требуя продолжения, но вскоре остыли. Пять лет спустя те же дети учились в выпускном классе, и вот как-то раз один из них случайно вспомнил о незаконченной сказке. Реакция была неожиданно бурной. Все в один голос стали требовать продолжения, причем «горячились» сильнее, чем пять лет назад. Я сказал, что забыл продолжение, но это не помогло. Тогда я объяснил, что сказка интересна лишь для маленьких детей, но и это не помогло. Пришлось предложить следующее соглашение: если хоть кто-нибудь вспомнит, о чем была сказка, я расскажу, чем она закончилась. Никто не вспомнил – содержание начисто забылось, как забывается и многое другое за годы. Но не забылась сама ИДЕЯ – она ничуть не потускнела и даже стала ярче. ЧЕЛОВЕКА, «ЗАБОЛЕВШЕГО» ИДЕЕЙ, ВРЕМЯ НЕ ЛЕЧИТ.

Как не лечит время СПИД, туберкулез или любые другие инфекционные болезни.

Однажды у меня на столе стоял кинопроектор и лежали цветные стеклышки.

Девушка примерно семнадцати лет начала этими стеклышками играть, совершенно по детски. Она смотрела сквозь стеклышки на разные предметы, подбирала красивые цвета и т. п. Она даже не замечала, что ведет себя не по возрасту.

Неделю спустя я сам предложил ей цветные стеклышки. "Ну вот еще! Что я, маленькая?" – возмутилась она. В данном случае идея заразила человека очень давно, в детском возрасте и бессимптомно существовала более десяти лет – примерно как вирус СПИДа. Затем проявила себя, исчерпала и исчезла. А сколько таких скрытых идей живет в каждом из нас и на какие поступки они могут нас толкнуть?

Например, я собираю редкие и красивые кактусы – только потому, что двадцать семь лет назад мне подарили простенький кактусовый отросток. Отросток прижился, потом умер. А идея прижилась и никогда не умрет. Из-за подобных чепуховых вещей люди могут выбрать себе профессию на всю жизнь, могут становиться алкоголиками или наркоманами. "Вот

молодец, пьет и не пьянет!", – говорят друзья о четырнадцатилетнем мальчике. Он слышит эти слова и потом забывает. Но проходит время и в сорок пять он окончательно спивается.

Неизвестно, как бы сложилась его судьба, если бы те слова не были сказаны.

Случайно сказанное слово – а точнее, идея, которая за ним стоит, ломает хребты человеческим судьбам. "Ждем от тебя новой "Педагогической поэмы", – так написали друзья первокурснику-педагогу, который не собирался становиться учителем. И он проработал учителем до конца своих дней. А ведь заниматься не своим делом также удобно и приятно, как играть на пианино в боксерских перчатках. А заниматься не своим делом всю жизнь? И сколько же таких изувеченных судеб вокруг нас?

ПРИМЕР 4. (Цитата) Ступенька омнибуса. Анри Пуанкаре.

В эту пору я покинул Кан, где я тогда жил, чтобы принять участие в геологической экскурсии, организованной Горным институтом. Среди дорожных перипетий я зыбыл о своих математических работах; по прибытии в Кутанс мы взяли омнибус для прогулки; и вот в тот момент, когда я заносил ногу на ступеньку омнибуса, мне пришла в голову идея – хотя мои предыдущие мысли не имели с нею ничего общего, – что те преобразования, которыми я воспользовался для определения фуксовых функций, тождественны преобразованиям неэвклидовой геометрии. Я не проверил этой идеи; для этого я не имел времени, так как, едва усевшись в омнибус, я возобновил начатый разговор, тем не менее я сразу почувствовал полную уверенность в правильности идеи. Возвратясь в Кан, я сделал проверку; идея оказалась правильной. [...]

Прежде всего, поражает этот характер внезапного прозрения, с несомненностью свидетельствующий о долгой предварительной бессознательной работе...

«Заболевание» идеей, как и заболевание инфекционной болезнью некоторое время протекало бессимптомно. В этот период идея распространялась, укрепляла свои позиции и, наконец, полностью проявилась. В данном случае – проявилась внезапно, как озарение.

Очень простое наблюдение бессимптомной фазы может провести каждый из вас. Допустим, вы разговариваете и вдруг сообщаете своему собеседнику некоторую неожиданную мысль. Если он понял вас, то на мгновение отведет взгляд и замрет. Пауза продолжается одну-две секунды. И только после этой паузы он продолжает говорить. Если паузы не было, значит, ваша мысль не нова или собеседник ее не понял. Так можно довольно точно определить, внимательно ли вас слушают и задевают ли кого-то ваши слова.

Однажды мне пришлось идти вечером сквозь неосвещенный парк и мне преградили дорогу четверо очень темных личностей. Сила была на их стороне и до освещенной дороги оставалось метров пятнадцать. Я протянул руку тому из них, который казался главарем и представился, и сразу же спросил: "Что ты об этом думаешь?"

Он замер, как будто превратился в ледяную глыбу. За время этой паузы я прошел мимо него и сделал несколько шагов в сторону светлой аллеи. Это спасло положение. Идея моего поступка была совершенно нова для этого крупнотелого полудебила с родимым пятном в пол-лица – и поэтому он не смог действовать сразу.

Нужна пауза, чтобы переварить идею.

Необходимая пауза после восприятия новой идеи объясняет, почему сильно написанную книгу нужно читать медленно, а плохонький детектив проглатывается мгновенно. Отсюда же следует элементарный совет преподавателям: после каждой новой идеи нужно давать время на осознание – иначе никто ничего не усвоит.

Поэтому не стоит строить урок или лекцию чересчур плотно; если вы понятно рассказали слишком много новых вещей, и слишком быстро, вы просто сотрясали воздух.

Но, если СПИДом болеют один раз, то идея, заразившая человека, может давать многократные и даже регулярные вспышки. Ольга Т-ва: "Мне хочется рисовать периодами. Как захочется рисовать, я все перерисую, все, что можно. А потом опять не хочется."

Назовем это эффектом мерцания идеи. Красивейшие мерцания всех тонов и оттенков протягиваются сквозь наши жизни как елочные гирлянды – или проходят как трассирующие пули. И кто знает, может быть переплетение этих мерцаний и образует смысл жизни?

1.5. СТЫД КАК ПРИВИВКА ОТ ЗЛА.

а) Что такое стыд

Стыд – чувство замешательства или унижения когда недостатки или проступки, скрытые раньше, становятся известными другим или себе. То есть, любой стыд – это стыд перед кем-то, в частности, перед самим собой.

Стыд может быть очень сильным.

В 307 году до нашей эры философ Диодор умер от стыда во время философского спора, не сумев решить логическую проблему, предложенную Стилпоном. Но это не единственный случай смерти от стыда: стыд – причина огромного множества самоубийств.

Чтобы избежать стыда быть плененными, японцы совершали харакири. Точно также они поступали и тогда, когда считали себя виновными в чем-то. Наши очень далекие предки, еще не вполне разумные, имели удивительный, по нашим меркам, способ казни – они изгоняли из своего стада провинившегося и он умирал. Именно из-за общественного отвержения, то есть от стыда. Не в когтях хищников, не от голода и жажды – он просто не мог жить. Ему даже не приходилось делать харакири, как японцам.

К сожалению, стыд почти не изучается психологией, и еще меньше другими науками. Гораздо проще, наверное, изучать какие нибудь когнитивные перцепции или мультифакторные корреляции. И это кажется удивительным, потому что стыд в нашей жизни встречается постоянно и он, безусловно, важнее вышеуказанных корреляций. Особняком стоит теория Фрейда. Некоторые рассуждения о стыде можно найти в этических трактатах. И часто эти рассуждения не выдерживают критики.

Например, утверждается, что чувство стыда – это безусловное отличие человека от низшей природы, так как ни у каких животных стыда нет ни в какой степени, а у человека он появляется с незапамятных времен.

Но ничего подобного, – стыд у животных есть и элементарно наблюдаем, если правильно к этому подойти. Вы не видите стыда диких животных, потому что они всегда смогут от вас спрятаться, если делают что-то, что заставило бы их стыдиться. Если же они не знают, что вы за ними наблюдаете, то стыдиться не будут: любой стыд есть стыд перед кем-то. А если вы наблюдаете свое домашнее животное, то оно не стыдится вас, потому что вы для него не посторонний – точно так же супруги не стыдятся друг друга после нескольких лет совместной жизни. Но посмотрите хотя бы на кошку, которая ранней весной радостно катается по траве, подставляя первому весеннему солнцу животик, на чужую кошку. Она сразу же прекращает играть, потому что стыдится вас. И более того – она ведет себя совсем по-человечески: она ПРИТВОРЯЕТСЯ, что не играла, а была занята делом.

Устыдившись, она начинает играть роль для зрителя, для вас. И вы на ее месте поступили бы точно так же, если бы катались по траве и были застигнуты посторонним человеком.

Дальше, очень часто стыд сводится лишь к сексуальному стыду или стыду обнаженного тела. И, вроде бы, животные не стыдятся полового акта, а человек стыдится. Животные не стыдятся ходить голыми, а человек стыдится. И это, якобы, означает, что духовное начало в человеке заставляет стыдиться животных инстинктов. То есть, зарание предполагается, что все сексуальное – грех, а потом оказывается, что душа человеческая стыдится греха.

Но и древние Греки, и Римляне, и многие другие народы купались, загорали, гуляли и занимались спортом совершенно голыми. Ходить голым по нудистскому пляжу тоже не стыдно для нудистов и почти не стыдно для новичков. О половом акте я скажу чуть позже.

"Самостоятельное и первоначальное значение чувства стыда было бы устранено", – пишет, например, Соловьев, – "если бы удалось связать этот нравственный факт с какою-нибудь материальной пользой для особи или рода в борьбе за существование. В таком слу-

чае стыд можно было бы объяснить как одно из проявлений инстинкта животного самосохранения – индивидуального или общественного. Но именно такой связи и не возможно найти. У животных, покорных инстинктам, не бывает никаких вредных для самосохранения излишеств, но человек, вследствие большей силы индивидуального сознания и воли, получает возможность таких злоупотреблений, и вот против самых пагубных из них – половых – развивается у него на общих основаниях естественного подбора полезный противовес

– чувство стыда. В человечестве это чувство имеет то принципиальное значение, что им определяется этическое отношение человека к материальной природе.

Человек стыдится ее господства в себе или своего подчинения ей и тем самым признает, относительно ее, свою внутреннюю самостоятельность и высшее достоинство, в силу чего он должен обладать, а не быть обладаемым ею."

В данном случае заранее предполагается греховность сексуального, (а почему, собственно говоря, сексуальность "пагубна"? – что в ней такого страшного?) потом стыд связывается с сексуальностью и в результате мы приходим к выводу, что сексуальное греховно.

К тому же, на самом деле прекрасно видна связь, которой якобы невозможно найти: связь между стыдом и инстинктом самосохранения. Кошка, которая играла, но перевернулась на лапы при приближении незнакомца, тем самым перешла из состояния БЕЗЗАЩИТНОСТИ в состояние ЗАЩИЩЕННОСТИ.

Везде, где мы встречаем стыд, мы находим и беззащитность. Стыд произошел из беззащитности и человеческий СТЫД ЕСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НА БЕЗЗАЩИТНОСТЬ.

По этой причине стыдятся чужих людей: от них можно ожидать враждебности в любой момент. (Ребенок начинает стыдиться месяцев в шесть – когда научился хорошо отличать своих от чужих.) Можно гораздо сильнее стыдиться слов "я люблю", чем самого разнузданного поведения в постели. Проститутка из одного американского фильма говорила, что стесняется целоваться в губы, хотя со всем остальным у нее не было проблем. Когда еще более беззащитен человек, чем в момент признания в любви или поцелуя?

Сексуальный стыд связан в первую очередь (но не только) с тем, что во время полового акта человек довольно беззащитен: и физически и морально. Физически он не может оказывать сопротивления возможному нападению, а морально он беззащитен перед насмешками посторонних людей. Если вы считаете, что обезьяна в лесу, полном леопардов, не спрячется от них во время полового акта, то вы ошибаетесь.

А люди могут вести себя пострашнее, чем леопарды.

А теперь попробуйте ответить на вопрос: почему красивые девушки меньше стесняются раздеваться на пляже, чем плохо сложенные?

б) Боль телесная и моральная.

Разумеется, животные стыдятся не так сильно и не так часто, как человек.

Но это объясняется тем, что животному можно причинить лишь физическую боль, а человеку боль неизмеримо более сильную – боль МОРАЛЬНУЮ. Например, вы сидите в кресле стоматолога, бормашинка сверлит ваш зуб и задевает нерв. Вам больно, вы вскрикиваете. Но уже через пять минут все в порядке и вы забыли эту боль. Но вот вы идете и хулиган сбил с вас шапку, засмеялся и ушел. В каком случае вам больнее? Физическая боль часто вообще ничего не значит. Например, старушки с садистическими наклонностями с удовольствием перебивают вам косточки так, чтобы вы услышали – и вам больно, при полном отсутствии физической боли. Или такая же старушка в общественном транспорте едва войдя, заявляет: "Да он никогда не уступит место. Мне ли таких не знать, такие никогда не уступают". После этого вы, разумеется, не уступаете. Да и не нужно было ей ваше место. Она хотела лишь причинить вам боль. Примеры морального садизма мы видим буквально

на каждом шагу. Абсолютно недопустимые моральные издевательства приходится терпеть детям от сверстников, заключенным тюрем или насильно призванным солдатам.

Пример отсутствия стыда продемонстрировал однажды директор школы – то есть человек, по определению обязанный сеять разум и добро. На собрании его обвинили в том, что он бил детей, – не редкая практика, но совершенно противозаконная – обвинил его военрук. Военрук показал также несколько заявлений, написанных и подписанных обиженными детьми. Показал, прочел, и сел за первую парту, положив на заявления ладонь. Директор продолжил свое выступление, прошелся несколько раз вблизи передних парт туда-сюда, потом быстрым движением попытался вырвать заявления, но военрук тоже схватился за листки. В результате заявления были порваны надвое, и верхние половинки остались у директора, что его вполне удовлетворило. Все это происходило на глазах у кабинета, полного педагогических работников, то есть людей, по определению образцово нравственных. Ни малейших признаков стыда директор не проявил.

Заметим очень важный момент: большинство из нас НЕ СУМЕЛИ БЫ ПОСТУПИТЬ ТАК.

Им бы помешал стыд.

Действие стыда: Женщина продает билеты в троллейбусе. Некоторым не дает билета, как и большинство ее профессии. На остановке вагон проверяют инспекторы. Задержали пассажира без билета. Говорят: "Тебе штраф, а ей пишем финансовое нарушение". Однако, пока все держится на словах. Пассажир утверждает, что он платил, но не получил билета. Кондуктор, в принципе, могла бы утверждать, что пассажир отказался платить. В этом случае победил бы тот, кто умеет кричать громче, то есть женщина. Но женщина оказалась неспособна нагло лгать, и говорила лишь, что не помнит. "Так он платил деньги или нет?"

"Не помню". В результате не выиграл никто. Пассажир все же заплатил штраф, а кондуктору записали финансовое нарушение. Возможно, ее уволят. Так почему же она предпочла срединный вариант, который тоже являлся ложью? Потому что трудно сознательно лгать, если перед тобой человек, который знает истину.

Оказаться наглой лгуньей в глазах постороннего СТЫДНО; и легче пострадать в материальном плане, чем в моральном. Моральная боль перевешивает совершенно реальные материальные неприятности.

Уже в этом примере мы видим чрезвычайно важное свойство стыда: СТЫД СПОСОБЕН ПРЕДОТВРАЩАТЬ ЗЛО.

в) Стыд и перевоспитание

Но, продолжая аналогию с болезнью, мы увидим, что стыд действует не столько как "таблетка от зла", а скорее как предварительная прививка.

ПРИМЕР 5. Быстрое перевоспитание.

Однажды я пережил очень острое чувство стыда. Дело было так. Я устроился работать чем-то вроде инженера в одну маленькую фирму. Заранее я знал, что там ведутся всякие темные дела, мне рассказывал об этом друг, который был недавно уволен. Из его рассказов я знал, что директор вор и прохвост и остальные не лучше. Знал и несколько конкретных случаев совершенной подлости. Поэтому, прийдя туда, я ощущал свое явное моральное превосходство. Я ни с кем из этих поганных людей толком не разговаривал и тем более не пытался сойтись. Меня быстро оставили в покое. Моя основная работа была не очень ответственной, но деликатного свойства, и ее результаты касались многих посторонних людей, точнее я говорить не стану. И вот под влиянием всей этой нечестной обстановки я стал вести себя нечестно. Я брал деньги, когда давали, раза два, что-то подтасовывал, что-то где-то привирал и так далее.

Я продолжал ощущать свое моральное превосходство, потому что остальные, по моим сведениям, вели себя хуже. И вот однажды на совещании наш директор выступает и говорит, что открылись многочисленные подлоги, неточности и прочее.

По цифрам и фактам, которые он назвал, я точно понял, что речь идет обо мне. Но он продолжал и сказал, что это просто дело совести виноватого и что они просто перепроверят и исправят все, а виноватого искать не станут. Из последующих выступлений я понял, что все присутствующие в основном честные люди, а я был дезинформировал и вел себя как последний негодяй. Тогда я просто чуть не умер от стыда. Как я мог все это объяснить? Если бы они меня вычислили, а это нетрудно было бы сделать, совсем нетрудно, я бы конечно встал в гордую оппозицию и, чего доброго, убедил себя, что я прав. А так – мне просто сделали прививку стыда. С тех пор я работал в других организациях и выполнял аналогичную работу.

И мне приходилось видеть настоящую нечестность и несправедливость. Но я был защищен от нее раз и навсегда. Однажды пережитый стыд каждый раз вспыхивал перед глазами и я не мог, просто не мог поступить так, чтобы пережить еще раз что-то похожее. То есть мне было уже больно от стыда при одной мысли о возможности обмануть. И с тех пор я абсолютно честен в вопросах работы.

Оказывается это так легко – перевоспитать. У меня сын, который явно нуждается в перевоспитании и наверняка есть какие-нибудь радикальные средства. Я все пытаюсь применить к нему что-нибудь вроде того, что испытал сам. Пока не получается.

При иммунизации человеку обычно вводят либо ослабленный болезнетворный микроорганизм, либо определенным образом переработанный, и это стимулирует иммунную систему. То есть, подобное лечится подобным. Стыд, пережитый человеком однажды, препятствует повторению ТАКОГО ЖЕ поведения, то есть ДЕЙСТВУЕТ АНАЛОГИЧНО ПРИВИВКЕ. Стыд может переживаться очень сильно и очень неприятно. Настолько сильно и неприятно, что от стыда можно умереть (как Диодор) или покончить с собой. Даже слабый стыд обычно превешивает материальные выгоды – как в случае с кондуктором троллейбуса. От стыда можно заболеть, как случилось в детстве с одним знаменитым писателем, которому вешали на грудь порочащую его табличку.

г) Способность стыдиться

Способность стыдиться есть у всех, но люди чрезвычайно сильно различаются в этом отношении.

Есть люди, очень чувствительные, вплоть до болезни, к социальному отвержению и стыду, а есть люди самодовольные, практически его не замечающие. Самодовольные, то есть "довольные собой". Люди, образцом для которых могут быть лишь они сами, люди, которые станут прислушиваться лишь к своему мнению, и то, что оно «свое» для них важнее того, что оно может быть верно или неверно. Они восхищаются собственными готовыми мыслями, и хвалят лишь те качества, которыми наделены сами.

Далее, не стыдятся того, кого не уважают, поэтому человек, относящийся более уважительно к другим и себе, будет более способен к стыду. К стыду почти неспособны отъявленные хулиганы – именно потому, что они никого не уважают. Но можно заставить стыдиться и таких. Например, асоциального ребенка изолируют и проводят с ним сеансы психокоррекции. В первые дни он, как может, издевается над присутствующими, ведет себя нагло и вызывающе, ожидая стандартных ответов на свои действия. Но никто не сердится на него, так как здесь его лечат, а не наказывают. С ним обращаются УВАЖИТЕЛЬНО и ровно. И вот наступает момент, когда ему вдруг становится стыдно – тогда, когда он начал уважать окружающих и когда их ответное уважение стало представлять для него ценность – то есть, в тот момент, когда он стал действительно УЯЗВИМ.

Так что стыду можно научить – но не поучениями и даже не собственным примером, а действительным уважением к личности. А человек, научившийся стыдиться, будет гораздо меньше способен ко злу, чем бесстыжий. (Напомню, что я говорю не о такой ерунде, как сексуальный стыд, а о стыде из-за собственных недостатков и из-за собственной склонности ко злу.) Уважение к личности – одно из сильнейших лекарств против зла. Но вся система наказания преступников построена на НЕУВАЖЕНИИ. Так что нечего удивляться, что она лишь плодит преступников. Запирать преступников в тюрьмы так же полезно, как запирать тараканов в ведрах с кухонным мусором.

Итак, стыдливость зависит от степени САМОДОВОЛЬСТВА и от степени УВАЖЕНИЯ к себе и к людям. При максимальном самодовольстве и минимальной уважительности уровень стыдливости почти нулевой.

При этом нельзя путать самодовольство и самоуважение. Человек, уважающий себя, никогда не бывает самодоволен, он неудовлетворен собой и постоянно ищет пути к самосовершенствованию.

(Вопрос для тех, кто не понял разницы между самодовольством и самоуважением: есть два человека; один из них любит себя, а другой уважает; обоим предлагают взятку; как они поступят?)

Именно самодовольные и неуважительные люди не стыдятся.

ИМЕННО НЕУВАЖИТЕЛЬНЫЕ И САМОДОВОЛЬНЫЕ ЛЮДИ НЕ ИМЕЮТ ВНУТРЕННИХ БАРЬЕРОВ НА ПУТИ К СОВЕРШЕНИЮ ЗЛА. Запомним этот вывод.

1.6. ИММУНИТЕТ КО ЗЛУ

Есть такие формы поведения, к которым конкретный человек неспособен (или практически неспособен). Например, большинство людей в обычных жизненных обстоятельствах неспособны убить, причем не только человека, но и животное.

Другие же смогут сделать это без труда. Кто-то не может ударить женщину или вообще любого человека по лицу. В то же время генерал, неспособный ударить женщину по лицу, может оказаться способным убить женщину, если для этого достаточно просто отдать приказ. Я знал женщину, которая была абсолютно неподкупна, встречал людей, которые не ругались, не употребляли спиртного или не могли не сделать ежедневную часовую пробежку – в любое время года и при любой погоде. Есть люди, органически неспособные присвоить чужое. У меня например, есть привычка всегда придерживать дверь в метро и смотреть, не идет ли кто сзади. Эта привычка настолько естественна, что я удивился, когда кто-то меня за это поблагодарил. Я просто не понимал, что можно вести себя иначе. Я стал присматриваться и обнаружил, что, действительно, не каждый придерживает дверь, а только некоторые. Я не знаю, откуда взялась эта привычка и почему она появилась. Я не могу не обернуться и не придержать дверь.

Основной факт состоит в том, что существуют такие поступки, против которых человек имеет иммунитет, то есть не может их выполнить практически ни при каких обстоятельствах.

ПРИМЕР 6. А я-то думал.

У меня есть странное свойство характера, которым иногда люди пользуются.

Достаточно кому-нибудь произнести: "А я-то думал...", как я чувствую, что не могу отказать этому человеку. Может быть, если будет идти дело о чем-то страшно важном, например о жизни и смерти, или о большом состоянии, или о предательстве Родины, я смогу пере-силить себя. Но при этих словах во мне проявляется какая-то особенная жалость, так что я готов помочь человеку чем угодно. Я просто весь раскисаю. Я совершенно точно знаю, откуда взялась эта странная привычка, или не привычка, не знаю как ее назвать.

Мне было примерно четыре года и я ехал на трехколесном велосипеде. Была весна, потому что пахло теплым асфальтом и травой. Рядом шли женщины и я слушал их разговор. Так вот, они рассказали жуткую историю, как мать по неосторожности убила своего маленького мальчика. Последние слова ребенка были: "а я-то думал...", то есть он думал, что его наказывают за плохое поведение. На самом деле виновата была мать, в чем она напоследок ребенку и призналась. Когда я услышал эту историю, то стал неудержимо реветь, и с тех пор не могу спокойно слышать этих слов. "А я-то думала, ты сходишь в магазин вместо меня", – говорят мне и я иду.

Поведение человека может измениться раз и навсегда от различных причин.

Вспомните «Отверженных» Виктора Гюго. Преступник ворует серебрянные подсвечники в доме священника, который приютил его на ночь, то есть совершает вопиющую неблагодарность. На следующее утро его ловят и приводят к священнику, но тот отвечает, что подсвечники он этому человеку подарил. Вора отпускают. Священник сообщает вору, что не просто отдает ему подсвечники, а покупает за это серебро его душу. И действительно, после этого случая вор становится честным человеком.

То есть, с этого дня он имеет ИММУНИТЕТ к некоторым формам криминального поведения. Здесь подмечен один реальный факт: неожиданное воздаяние добром за зло является

мощным приемом психокоррекции – но только в том случае, если добро не может быть расценено, как признак слабости.

Постепенно, но навсегда, изменяют свое поведение супруги, притирающиеся друг к другу за годы семейной жизни. Что бы ни случилось, они уже не станут прежними. Изменяют свое поведение и люди, зараженные фанатизмом – мощной идеей, провоцирующей фанатичное поведение. О свойствах такой идеи мы поговорим позже.

Большинство людей имеют иммунитет ко лжи, но не к любой, а ко лжи определенного уровня.

Выделим три уровня лжи:

а) Ложь первого уровня: неосознанная ложь, при которой человек лжет, но не понимает, что лжет. Например, так лжет ребенок, рассказывая о том, что у него в бассейне водятся дельфины. Так лжет хороший актер, полностью войдя в роль и ощутив себя, например, Макбетом. Так лжет параноик, утверждающий, что за ним гонятся террористы, и так далее. Назовем этот уровень: "слепая ложь".

б) Ложь второго уровня: человек лжет, полностью отдавая себе отчет в том, что он лжет, и знает, ради чего он это делает. Например, так лжет жена, изменившая мужу, рассказывая, почему задержалась. Так лжет мошенник, рекомендуя вам купить лотерейный билетик. Назовем этот уровень: "тайная ложь".

в) Ложь третьего уровня: человек лжет и знает, что лжет, и знает, что его собеседник или слушатель также знает, что он лжет. Так лжет политик, утверждая перед толпой, что NN предатель, хотя все присутствующие (и он первый) прекрасно знают, что это не так (читай "Скотный двор" и «1984» Оруэлла). Назовем этот уровень: "гнусная ложь".

Сделав эту простую классификацию, мы сразу видим чрезвычайно интересное явление: люди четко подразделяются на тех, кто способен или к слепой лжи, или к тайной, или к гнусной. Например, человек, способный лишь к слепой лжи, не сможет солгать в ответ на прямой вопрос типа: "ходил ли ты сегодня к врачу?".

Однако, часто жизнь требует от него лжи более высокого уровня. Просто замечателен способ, которым он выкручивается из этой ситуации. Легче всего это наблюдать на примере детей.

Послушный ребенок знает, что он должен чистить зубы перед сном. Мать знает, что ребенок никогда не солжет на прямой вопрос. Ребенок же чистить зубы не хочет. Он идет в ванную комнату, смачивает зубную щетку, подносит ее ко рту и снова откладывает. После этого он с легкой душой отвечает на вопрос матери:

"чистил". С помощью оправдательного действия тайная ложь превратилась в слепую, то есть, в ложь более низкого уровня. Ребенок, который не хочет учить уроки, открывает книгу и снова закрывает. Мать говорит ему: "Ты сегодня даже книгу не открывал." Открывал!", – отвечает он и бежит гулять. Ребенка отправляют куда-то с неприятным поручением. Он приходит, слегка толкает дверь и, – о, радость! – дверь вроде бы не открывается. Он, ради самооправдания, еле-еле толкает ее еще раз и радостно спешит домой, и там заявляет: "Я стучал, мне не открыли, никого не было дома". Хотя достаточно было громко постучать.

Аналогично ведет себя и взрослый человек, который берется за дело, которое считает заведомо безнадежным – берется лишь для того, чтобы потом сказать, себе и другим: "Я сделал все, что мог. Я старался."

Стремление перейти на более низкий уровень лжи характерно не только для отдельных людей, но и для организаций и даже для целых государств. Например, ни при каких условиях невозможно обеспечить ВСЕОБЩЕЕ среднее образование – всегда найдутся люди, абсолютно неспособные к одиннадцатилетнему (теперь 12-летнему) обучению. Однако уровень всеобщего среднего образования объявляется достигнутым, несмотря на то, что определенным процентом подростков в школах занимается чем угодно, но только не учебой и МЕШАЕТ

(еще как мешает!) учиться всем остальным. Для лучшего сокрытия этого факта существует система вечерних школ, в которых те же неблагополучные подростки тупеют еще больше и уж никак не учатся. Однако, они получают документ о среднем образовании – так государство переходит на уровень слепой лжи: теперь подросток, который не учился и ничего не знает по программе, будет уверен, что действительно получил среднее образование. Верят этому и окружающие.

На низший уровень можно перейти и с уровня гнусной лжи. Например, политик, во имя некоторой, предположительно "высшей", цели объявляет реальный факт несуществующим. В процессе длительных публичных заклинаний он постепенно внушает себе самому, что факт действительно не существовал и с этого момента начинает заклинать еще более рьяно, поверив собственной выдумке. Теперь даже детектор лжи не смог бы уличить его.

Соответственно этому возможны три уровня причинения зла: слепое, тайное, и гнусное зло. И снова мы находим людей, способных лишь к одному из них.

Генерал, отдающий приказ убить женщину, но неспособный ее ударить, легко совершает тайное зло, но боится гнусного. Невыдуманный случай: Во время несложной операции хирург несколько раз пытался применить общий наркоз, но пациент не засыпал. С каждым разом хирург сердился все сильнее. "Ты сам виноват", – сказал он пациенту и начал резать без наркоза. "Ты сам виноват", – таким образом гнусное зло становится слепым.

Люди бы не устраивали все эти хитроумные фокусы с собственным поведением, если были бы способны ко всем формам зла или лжи. А значит, есть такие разновидности зла, – не обязательно жуткие, мерзкие или чрезмерно жестокие, – к которым мы имеем хороший ИММУНИТЕТ; мы не можем совершить это зло даже когда хотим. Поэтому приходится выкручиваться и искать окольные пути.

Но ведь это отлично!

Это значит, что ЗЛО ИЗЛЕЧИМО. А не только наказуемо, как повсеместно считается сейчас.

1.7. ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАРАЖЕНИЯ И ОТВРАЩЕНИЕ

Один юморист, говоря о странностях характера, задавал вопрос: почему мы довольно спокойно относимся к комарам, которые пьют самое дорогое у нас, и ненавидим тараканов, которые никого не тогают. Вопрос вызывал смех в зале. А ведь на самом деле поведение людей в этой ситуации очень логично. Мы чувствуем отвращение к таракану, но не к комару. Нам отвратительно задавить пальцами муху, но мы без всякого отвращения можем задавить комара. Мы можем позволить божьей коровке ползать у нас по ладони и нам даже это нравится, а вот клопа-солдатики, такого же маленького и красиво раскрашенного, сразу же стряхнем с пальцев. Мы чувствуем отвращение к гусенице и не чувствуем к бабочке. Мы в ужасе убегаем от огромного паука и ловим пальцами краба того же размера. Мы с удовольствием едим раков и омаров, которые очень напоминают насекомых, а можете ли вы представить огромное насекомое в своей тарелке? Основной факт очень прост: мы испытываем отвращение к тому, что является или может оказаться носителем ЗАРАЗЫ. Тараканы, мухи и некоторые другие насекомые – обычные разносчики заболеваний, поэтому они нам отвратительны; даже убивать их отвратительно – легче всего отойти от них или прогнать, то есть не вступать ни в какой контакт. Отвратительны мертвые тела, особенно давно мертвые, отвратительна зеленая слизь и некоторые запахи, отвратительны на вид некоторые кожные болезни, отвратительна грязь.

Но точно также дело обстоит и с моральным отвращением – то есть с отвращением к носителям МОРАЛЬНОЙ ЗАРАЗЫ. Это могут быть определенные идеи или предметы, в которых идеи воплощены. Что именно и насколько сильно отвратительно – это дело вкуса; разные люди называют разные вещи, я могу сказать что отвратительно лично мне.

Лично мне отвратительно все, что заражает примитивизмом, я могу вспомнить даже несколько случаев острого отвращения: когда в серьезной статье съезд назвали «тусовкой» и когда некая имиджмейкер приказала улыбающемуся актеру "показать зубки". Противны попсовые песни, типа "девчонки короткие юбочки", но не все, а лишь самые заразные – которые в несколько дней начинают звучать на каждой улице города. У меня даже есть особое чутье на ту песню, которая станет популярной всего за день ли два и навсегда умрет не более, чем через месяц – эти песни наиболее отвратительны и чувство отвращения меня еще ни разу не обмануло.

Отвратительны фанатики: в первую очередь, сектанты, которые ходят по квартирам и пытаются склонить здоровых людей к своей вере. Сектанты, которые не активно заразны – не отвратительны. Отвратительны бюрократы, бюрократизм и все связанное с бюрократией, отвратительна всякая бумажная работа и бумажная волокита. Работая в школе, учреждении очень бюрократическом, я не раз получал взыскания за то, что плохо работал с бумажками. Отвратительно, когда безвкусицу выдают за образец для подражания, отвратительна государственная ложь, которую вмиг подхватывают чиновники низших рангов и заставляют повторять своих подчиненных. Отвратителен обман ради выгоды, особенно такой, который оценивается как умение жить – то есть, оцененный положительно и, следовательно, заразительный. Отвратительна безграмотность объявляющая себя "новой волной", отвратительно попустительство к себе, отвратительны ругательства, отвратительны выражения-пробелы, позволяющие говорить не думая, как говорят попугайчики:

"терпеть ненавижу", "короче приколись". Отвратительны киногерои – мыльные мальчики в мыльных сериалах. Но убийство или грабеж не отвратительны – к ним испытываешь совершенно иные чувства, поэтому что они почти НЕ ЗАРАЗИТЕЛЬНЫ. Не отвратительна и жестокость, она страшна, так же как страшна змея, которую вдруг видишь в полуметре от себя. Жестокость не заражает, а убивает, поэтому рефлекторно хочется замереть или отпрыг-

нута в сторону – как от змеи. Близость жестокости, как и близость змеи "леденит кровь". Но это чувство – не отвращение. Это унаследованная нами от предков реакция замирания – сжаться, спрятаться, притвориться мертвым.

Другой не согласится со мной и назовет другие поводы для отвращения. Это, повторю, дело вкуса. Здоровый вкус означает не только принятие здоровых вещей, но и здоровое отвращение к нездоровым.

Подведем первые итоги.

Зло (возможно, не любое зло, а только некоторые его формы) сходно с инфекционной болезнью, причем во многих чертах. Возбудителем этой болезни является некоторая идея, подробнее о которой мы будем говорить позже. При заражении идеей человек ощущает лихорадку или горячку, в чем-то сходную с повышением температуры при обычной болезни; после заражения наступает затишье в развитии болезни, за время этой паузы человек не выздоравливает, а, наоборот, болезнь окончательно завоевывает его; возможен иммунитет против морального недуга; однажды пережитый стыд действует аналогично прививке; к носителям моральной заразы мы испытываем в точности то же чувство, что и к носителям заразы обыкновенной – отвращение.

Эту аналогию можно продолжить. Уместно поставить следующие вопросы: можно ли лечить зло, а если можно, то как? Если зло – болезнь, а точнее, разные формы зла – это разные болезни, то можно ли их систематизировать, выделить и изучать каждую в отдельности? Возможны ли эпидемии зла? Как предохранить себя от заражения? И, все-таки, что именно вызывает болезнь, как выглядит, как функционирует и как ведет себя та самая «злая» идея, которую мы пока представляем себе очень и очень смутно?

Начнем с последнего вопроса.

ГЛАВА 2 ЗАРАЖЕНИЕ ЗЛОМ

2.1. ВИРУС

Видели ли вы вирус? На самом деле он так мал, что меньше длины световой волны, поэтому разглядеть его в принципе невозможно. Однако можно получить его изображение с помощью электронного микроскопа, и довольно детальное изображение.

Вот передо мной один из вирусов, пожирающий бактерию – сам он меньше ее раз в сто. У него пятиугольная голова – мешок с генетическим материалом, шейка и трубчатое тело (одновременно хвост); от хвоста отходят несколько прочных нитей, которыми он присасывается жертве – намертво, потому что надежды на жизнь у бактерии уже не остается: после поражения вирусом ничто не может спасти ее.

Впрочем, на ней сидят уже несколько вирусов – вот еще один такой же невдалеке; его голова-мешок уже частично опала; сейчас ее содержимое сквозь хвост-иглу впрыскивается в жертву. Пройдет всего 25 минут и ДНК вируса, как черви, съедят содержимое бактерии и построят сотню собственных копий – все это быстро и безошибочно. Идеальная машина умерщвления. Вот он лежит передо мной, видимый во всех деталях, во всей красе, и жизнь его выглядит более мертвой, чем сама смерть. Он лежит на поверхности, напоминающей чистейший речной песок или мелкие камешки. Прозрачность среды вокруг него – это не прозрачность воды или воздуха и даже не прозрачность вакуума – так выглядело бы, возможно, существо, живущее в прозрачном бензине или в парах какой-нибудь ядовитейшей смеси. Если это и жизнь, то жизнь, сущность которой мы никогда не сможем постичь. Это странная жизнь без света, без звука, без запахов и вкусов и вообще без любых ощущений, известных человеку. Возможно, единственное, что роднит ее с нами, это чувство боли, известное и там и здесь. Она более чужда нам, чем гипотетические жители отдаленных галактик.

Иногда клетка, заметив вторжение вируса, совершает самоубийство, чтобы новые вирусы внутри нее не успели созреть – так она спасает соседние клетки.

Оказывается, на самопожертвование способны не только люди.

Вирусы слишком просты, чтобы иметь систему ремонта и восстановления, такую, какая есть у клеток, поэтому они чрезвычайно часто мутируют; поэтому почти невозможно создать хорошо лекарство против них; поэтому их убивающая способность может быстро увеличиваться и ослабевать; поэтому они могут поражать все новые виды живых существ. Вирус слишком мал, чтобы с ним можно было эффективно бороться; он живет внутри клетки; лекарство, уничтожающее его, должно было бы, не разрушая клетку, разрушить вирус – такое лекарство очень сложно создать.

Вирус неактивен, то есть практически мертв, когда он находится не внутри живой клетки. Он не умирает от старости, и в этом отношении вечен, он вроде бы умирает от недостатка пищи, но вновь оживает при первой же возможности кого-либо убить. Он существует на нейтральной полосе между жизнью и смертью – и делает вылазки как в одну, так и в другую сторону. Внутри клетки он оживает и делает то что он только и умеет делать – разрушать и размножаться.

Компьютерный вирус ведет себя так же, как и биологический. Он мертв, пока программа не работает, а затем активизируется, размножается и убивает. И те, и другие вирусы имеют системы защиты и нападения. Как компьютеры, так и организмы имеют системы, позволяющие находить вирусы и уничтожать их – более или менее успешно.

2.2. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВИРУС

ПРИМЕР 7. Вирус на бумаге.

Передо мной лист бумаги, мелко исписанный от руки ровным женским почерком.

Письмо. В нем сообщается, довольно подробно, что данное письмо распространяется уже более тысячи лет и его получали Данте, Конандойль, Пугачева и многие другие.

Некоторые из получателей пренебрегли письмом и тем обрекли себя на несчастья: один погиб, другой потерял любимых людей, третий стал инвалидом и так далее.

Это системы нападения информационного вируса. Способ кнута. Вторая система нападения использует способ пряника: перечисляются исторические личности, которые последовали призыву письма и выполнили его требования. Один выиграл битву, другой стал богат, третий удачлив и так далее. Еще одна система нападения заключена в том, что перечисляются именно выдающиеся личности, люди, имеющие авторитет. То есть данная система нападения использует так называемую власть авторитета. Кроме того, частично использована информационная власть, то есть сообщаются те сведения (философского характера), которые могли бы слегка перепрограммировать поведение человека в нужную сторону. Чего же требует это письмо? Все очень просто: мы должны переписать от руки двадцать копий и подбросить в почтовые ящики тех людей, которым желаем добра. Если те люди получают письмо и выполняют его требования, то получают и счастье. А если нет?

Тогда их постигнет тяжкий удар судьбы, возможно, смерть – так стоит ли подвергать дорогих людей такому риску? Вот здесь замечен логический прокол и здесь защитная система человека, т.е. его разум (если таковой имеется в нужном количестве) убивает информационный вирус. Но возможно, что из двадцати копий одна или две выживут и дадут потомство. Это информационная форма жизни, ее вариант. Внедриться и размножить себя за счет другого. Этот вирус довольно безвреден, хотя возможны штучки и пострашнее.

Письмо из предыдущего примера можно назвать информационным вирусом по следующим причинам:

1) Оно представляет собой нечто вроде паразитической или хищной формы информационной жизни, оно состоит из информации и свои копии строит тоже из информации, размножается делением или, скорее, отпочковыванием собственных взрослых копий. После того, как 20 взрослых копий отпочковались, родительский организм гибнет.

2) Оно имеет "генетический материал", т.е. ту короткую фразу на непонятном языке, которую требуется переписать и размножить.

3) Оно имеет системы защиты и нападения, о которых мы уже говорили.

4) Этот вирус поражает не наше тело и не наш мозг – он поражает нашу ПСИХИКУ, или СОЗНАНИЕ, которое нематериально и, в самом грубом приближении, состоит из идей. Сам вирус также является идеей, а все остальное, бумага и чернила – это только предмет, с помощью которого вирус может передвигаться в пространстве, находить и поражать новые жертвы. Он оживает в сознании человека и именно туда стремиться внедриться.

5) Этот вирус строит свои копии из информации, которая наносится на лист бумаги, и из материального носителя – капсулы, внутри которой эта информация может существовать в принципе неограниченно долго. Если такое письмо будет вскрыто с опозданием лет в двадцать, информационный вирус оживет и постарается размножиться.

6) Такой организм, в принципе, может эволюционировать, развиваться по двум линиям: во-первых, усиливать свои системы нападения и изобретать новые; во-вторых, случайным образом мутировать, при этом его жизнеспособность будет изменяться.

7) Для передвижения в пространстве он использует психику многих других людей, например, почтальонов, которых не заражает.

8) Подобное письмо может переписываться множество раз и давать новые и новые поколения, множество людей могут болеть идеей этого письма, но, к счастью, эта болезнь не приносит заметного вреда.

ПРИМЕР 8. Еще один информационный вирус.

Село NN состояло из одной длинной и пыльной улицы с несколькими ответвлениями. Много лет на улице не расло ничего, кроме травы. Не хватало идеи. Несколько старых, почти мертвых разломленных деревьев стояли у нижнего ее конца, под холмом. Они уже никак не могли дать потомство. Не могли физическим путем, зато могли ИНФОРМАЦИОННЫМ. Однажды человек шел мимо. Был жаркий и душный день, человек спрятался в тень полумертвых деревьев и подумал: а почему бы не посадить деревья на улице? Однажды возникшая идея бессмертна, – в том смысле, в каком бессмертен вирус. Прошло еще несколько лет и тот же человек, будучи в лесу, вспомнил о своей мысли посадить деревья и вырезал палку, и взял ее с собой. Из этой палки выросло первое молодое дерево на улице. Прошло еще лет семь-восемь и дерево подросло. Другие люди увидели, что это хорошо, и стали во множестве садить деревья – каждый напротив своего дома. Сейчас вся улица засажена деревьями в несколько рядов.

Вначале идея инфицировала человека, но не нашла благоприятной среды, она оставалась в латентном состоянии, ждала, как вирус вдали от клетки-жертвы.

Попав в нужные условия, она проклюнулась – и было посажено первое дерево, которое содержало не только листья, кору, ветви и корни, но и ИДЕЮ большого зеленого насаждения. Со временем большинство людей, живущих поблизости, оказались инфицированы этой идеей.

2.3. МУТАЦИЯ ИДЕИ

Идею роднит с вирусом еще одно обстоятельство: как идея, так и вирус способны к мутации и мутируют, изменяются довольно быстро.

Сократ пожертвовал жизнью ради интеллектуальной свободы (жертва жизни ради идеи – очень интересный феномен). Но он же, согласно Платону пропагандировал идею цензуры: искусство должно быть подчинено морали, а все, что не служит морали, должно быть запрещено. Цензура запрещает матерям читать сказки своим детям, а неверные представления о боге должны караться как преступления (что в точности было осуществлено потом).

Сенека, автор нравственных писем к Луцилию и сам образец нравственности, был учителем одного из худших деспотов в истории – Нерона. Полное любви учение Христа вылилось в Малеус Малификарум (так назывался учебник пыток, кстати, книга очень толстая и подробная), сожжение еретиков, в отрицание радости. "Христа распяли, а ты смеешься!" – возмущенный выкрик учителя в школе средневековья. Идеи, как и вирусы, имеют свойство быстро мутировать. Учение Маркса, сориентированное на благо человечества, сожрало, как минимум, сто миллионов жизней. Полезные постановления, пройдя чрез умы трудолюбивых чиновников, обрастают такими комментариями, что становятся нелепыми, вредоносными или просто преступными. ИДЕЯ ВСЕГДА МУТИРУЕТ – это одно из ее фундаментальных свойств. И это свойство снова роднит ее с биологической инфекцией. Но идея не просто мутирует, она довольно плавно, хотя и не всегда медленно, ПЕРЕПОЛЗАЕТ ОТ ДОБРА К ЗЛУ – это один из главных механизмов ее эволюции. От добра ко злу, и практически никогда – в обратную сторону.

Святой Франциск, основатель ордена францисканцев, был добрейшим и самоотверженным человеком. Он действительно любил ближнего. Он проповедовал идеал бедности в самом строгом смысле: францисканец должен был питаться только подаянием, не иметь жилища и пр. Однако уже очень скоро францисканцы выстроили себе обитель, а после смерти основателя идеал бедности был предан забвению. В последующие годы францисканцы были вербовщиками солдат, а потом стали инквизиторами. И тогда они сожгли на кострах тех своих товарищей, которые все еще были верны идеалу бедности. Идея добра переползла в отъявленное зло всего за несколько десятилетий.

ПРИМЕР 17. Как не нужно взвешиваться

Весы были не совсем точными и изменяли показания в зависимости от того как на них стать и на какое место нажать. Разница была небольшой, около килограмма, но так как я твердо решил похудеть, то меня интересовали даже самые маленькие сдвиги. Я стал взвешиваться каждое утро. Вскоре я понял, что не могу узнать свой точный вес. Всякий раз я слегка наклонялся таким образом, чтобы вес уменьшился. И чем меньше были результаты моей диеты, тем сильнее я наклонялся.

Тогда я решил, что это временно и любому искажению есть предел, нельзя же наклониться очень сильно. Но такое решение только освободило, не знаю что освободило, но примерно через неделю я искривлялся так, что просто падал с весов и мне стоило большого труда удерживать равновесие в этой неудобнейшей позе. По всем показателям я худел, но когда я закрыл глаза, выравнился, а потом быстро взглянул на шкалу, результат получился обратный. Потом я пробовал становиться на весы строго вертикально, но очень трудно было определить что такое строго и к тому же, я научился менять вес с помощью напряжения пальцев ног. Как только я принимал новое решение о правильном взвешивании, что-то внутри меня начинало искать обходные пути и находило их. В результате взвешивание стало столь

сложно регламентированной процедурой, что я от него просто отказался и, обидевшись на весы, продолжал преспокойно набирать вес.

В данном случае абсолютно правильная идея о необходимости для похудения регулярного контроля веса приводит к прямо противоположному результату. То же самое происходит со многими законами и постановлениями, направленными на благо человека – они в конце концов приносят лишь вред, а причиной этому оказывается некоторый неучтенный фактор, как в случае со взвешиванием – неточность весов. Если же, например, бронировать места в очередях для беременных женщин, то им вскоре придется проводить в очереди гораздо больше времени – они просто станут брать заказы на стояние в очереди от тех, кому дорого время. Здесь действуют другие факторы, но результат тот же: взаимодействуя с реальностью, полезная идея незаметно переползает в свою противоположность.

Идея каждый раз мутирует и при передаче. Чем чаще идея передавалась от одного человека к другому, тем сильнее она искажена.

Мы представляем себе мир более неподвижным и конкретным, чем он есть. В мире много неопределенностей и двусмысленностей. Поэтому при передаче информации мы преувеличиваем значение конкретных факторов и преуменьшаем значение случайных. Этот процесс называется поглощением неопределенности.

Любое наше понятие искажает действительность. Возможны сотни оттенков коричневого цвета. Если мы называем каждый из них просто "коричневый", мы делаем их одинаковыми, то есть искажаем. Сине-зеленый цвет один назовет синим, а другой зеленым.

Мы не можем передать информацию полностью и поэтому отбираем то, что нам кажется главным. Другому человеку покажется главным иное. Да и нам самим в другой день или в другом настроении захотелось бы сказать иначе. "Мысль изреченная есть ложь" – слова всегда ограничивают мысль, а при устной передаче слова еще и подбираются случайно и не всегда верно. Мы искажаем информацию, пытаемся представить себя в выгодном свете. Искажаем ее вежливостью, стараясь не обидеть и не навредить. Мы можем неверно истолковывать услышанное, потому что все слова, кроме объективного, имеют еще и личное значение. А еще человек больше верит интонации собеседника, чем смыслу его слов. Мы ищем в услышанном то, на что заранее настроены и не замечаем того, чего не хотим замечать. Если мы не доверяем человеку, то мы преуменьшаем значение фактов, о которых он нам говорит.

Если же человек обладает для нас большим авторитетом, то мы поверим его словам, не сомневаясь и возможно, примем за глубокую истину случайную его оговорку.

Следующий тип искажений – это искажение внутри индивидуального разума, без передачи. Мы запоминаем буквально, но с пробелами, затем подгоняем услышанное под те шаблоны, которые уже существовали, и искажаем так, чтобы включить в наш устоявшийся опыт. И уже после этого идея продолжает усваиваться, изменяясь, облекаясь в новые слова, а если мы используем идею на практике, она всякий раз корректируется результатом практики.

Существует искажение идеи при ее проникновении в массы. Она упрощается, облекается в легко запоминающиеся формулы, конкретизируется, обрастает неточными примерами. Выпячиваются частности и пропускается главное. В результате рождается новое толкование, то есть новая идея, прикрываемая именем старой.

ЛЮБАЯ ПОЛЕЗНАЯ ИДЕЯ МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ БОЛЕЗНЕТВОРНОЙ, СЛЕГКА ИЗМЕНИВШИСЬ В

УМАХ МНОЖЕСТВА ЛЮДЕЙ. Любая идея способна стать человекоядной. Любая, в том числе и идея этой книги. Поэтому читайте осторожно.

2.3. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ЭПИДЕМИИ

У психических болезней есть одно большое преимущество перед телесными: они, в большинстве своем, незаразны. Те же, которые заражают или дают небольшие эпидемии, можно пересчитать по пальцам. Большинство этих случаев описываются как массовая истерия, при которой заражение происходит ИНФОРМАЦИОННО. Но информационно заражают не только болезни.

Небольшие психические эпидемии дает также любовь, например, толпа влюбленных фанатов повсюду следует за сомнительного качества звездой или половина пионерш отряда влюбляется в юного пионервожатого. Причем в последнем случае налицо именно заражение: подружки влюбляются парами, что легко и забавно наблюдать – одна заражает другую при непосредственном общении. И такая, "ненастоящая", «наведенная» любовь, иногда оказывается действительным чувством.

Та, которая влюбляется второй, обычно любит дольше и самоотверженнее.

Эпидемически распространяются любые слухи. Эпидемически появляются люди, которые уверены, что видели летающие тарелки. Эпидемически распространяется мода. Эпидемически распространяются увлечения. Эпидемически распространяются простые формы антисоциального или преступного поведения: в 1959 году в течение нескольких недель появились сотни свастика на синагогах и общественность обеспокоилась тем, что возобновились нацистские преследования евреев. На самом деле имело место просто психическое заражение – заражение идеей поступка.

Достаточно было совершить поступок одному, как многие последовали его примеру.

С современными средствами массовой информации и компьютерными сетями передача идей предельно облегчилась. Поэтому проблема информационных и моральных болезней вскоре резко обострится.

Часто информационные эпидемии оканчиваются внезапно и за ними следует эпидемия противоположного поведения.

Игрушки, которые мы видели в последние годы, налетали на нас эпидемическими волнами: новые прыгающие и липучие шарики, пружинки, тамагочи, кубик рубика и пр. Сейчас, когда я пишу эти строки, нет ни одного ребенка на улице без игрушки йо-йо. Кто-то не может выйти на улицу без костылей, кто-то без таблетки валидола, кто-то без того, чтобы поругаться с соседом, а кто-то без йо-йо. И те, и другие, и третьи, и четвертые ограничены в своих возможностях и, следовательно, в разном смысле и с разной степенью тяжести, нездоровы. Но пройдет несколько месяцев и йо-йо исчезнет.

Эпидемии научных исследований часто начинаются с новой или вновь открытой идеи, но не любой идеи, а только той, которая позволяет дальнейшее развитие и разработку, и сулит большие перспективы, например, с открытия нового лекарства.

Исчезновение эпидемии связано с тем, что все возможности данной идеи уже испробованы и исследователям некуда идти дальше.

Возможны волны массовых страхов, волны симптомов соматических заболеваний, волны увлечений целителями или пророками. Волны интереса ко всяким нострадамусам, черным дырам, философским течениям. Эпидемически распространяется популярность: достаточно поредственному автору устроить хорошенький скандал, чтобы волна популярности пошла и обеспечила его заработками на всю последующую жизнь.

ПРИМЕР 9. Тарантизм

Тарантизм – болезнь или форма истерии, которая появилась в Италии в пятнадцатом веке и неверно ассоциировалась с укусом паука тарантула, который на самом деле безвреден. Болезнь выражалась в том, что ее жертвы плакали и прыгали все быстрее и быстрее до тех пор, пока не переходили в бешеный танец. Жертвы этой болезни считали, что могут быть излечены, если будут танцевать до полного изнеможения – и поэтому продолжали танцевать. Данная болезнь распространилась как эпидемия, но не путем заражения патогенным микроорганизмом, а путем заражения неверной ИДЕЕЙ. То есть тарантизм может рассматриваться не только как психическое заболевание (форма истерии), но и как и легкая форма ИНФОРМАЦИОННОЙ болезни.

Информационным вирусом в данном случае послужила идея о том, что от укуса паука можно излечиться прыгая и танцуя.

ПРИМЕР 10. Эпидемия азартной игры.

Школа N ничем не выделялась среди других школ. И с успеваемостью, и с дисциплиной все было в порядке. Никто бы не мог предположить, что надвигается эпидемия. Эпидемия началась с того, что по телевизору был неосторожно показан фильм, в котором дети играют в деньги, ударяя монетками о стену. Правила игры были не совсем ясны. Но инфекция уже была внесена. Прошло несколько месяцев.

Два новых ученика пришли в школу; они тоже видели фильм и тоже не знали правил игры. Однажды возник спор и каждый утверждал, что знает правила. Дети сыграли на деньги и поняли, что независимо от правил им это нравится. Инфекция начала распространение. Вскоре играть стали во дворе, регулярно, потом на переменах.

Уже спустя месяц в игру включились все – независимо от пола и возраста. Играли везде и постоянно, на уроках, до и после уроков, в перерывах, на всех подоконниках, у каждой стены, на каждой парте. Всплеск был настолько силен, что учителя оказались бессильными что-либо сделать. Как только они прекращали игру в одном месте, она сразу же затевалась в другом. Было решено вместе с родителями не давать детям денег. Это мероприятие удалось претворить в жизнь, но лекарство не помогло, потому что вирус мутировал: дети стали подбирать на улице медные кружки, которые в то время в изобилии валялись где попало, и играть на них, заменив кружками деньги. Группа детей забралась на фабрику, форсировав стену, с намерениями стащить побольше медных кружков. К счастью, кружки оказались ненужным отходом производства и удивленные рабочие, по доброте душевной, отсыпали детям большую сумку. Эта сумка в ближайшие дни несколько раз была украдена, как значительная ценность. Дети воровали ее друг у друга и при каждой пропаже число кружков уменьшалось. В результате кружки распространились довольно равномерно среди большинства учеников. И наступила инфляция – медная валюта обесценилась. Но и тогда эпидемия не пошла на убыль. Дети стали играть в долг и, так как играть на виртуальные деньги можно с большим размахом, задолжали друг другу значительные и совсем не детские суммы. Ситуация приобрела криминальный оттенок. Из домов выносились вещи для продажи. Несостоятельных должников избивали. Начала организовываться зачаточная мафиозная структура. И тогда родители не выдержали и снова стали давать деньги детям. Но за то время, пока первичная инфекция была вдалеке, дети выработали к ней что-то вроде иммунитета. Им стало неинтересно играть всего лишь на деньги, да еще и на малые деньги. Эпидемия практически прекратилась. Был еще один ее кратковременный всплеск – проба играть на крышки от бутылок, а затем наступила тишина. Еще долго дежурные уборщицы задерживались в школе

и вылавливали из всяческих щелей мелкие монеты, которые во множестве забились туда во время напасти. Порой вылавливали и медные кружки.

Некоторые психические заболевания могут быть заразными в психологическом смысле: например, тесный или долгий контакт с человеком, который проявляет симптомы психического заболевания, может привести к передаче симптомов человеку или группе людей, которые прежде были здоровы. Это может произойти в том случае, когда два человека, больной и здоровый, долгое время живут вместе или из-за всплеска коллективных эмоций – это так называемая массовая истерия.

Эпидемии массовой истерии обычно случаются с замкнутыми группами людей, например школьниками, национальными группами и пр. В 1977 более полусотни школьников почувствовали тошноту, головокружение и прочие подобные симптомы после футбольного матча. Оказалось, что симптомы нескольких путем информационного заражения передались всем остальным, вполне здоровым. Передача симптомов происходит в первую очередь тем, кто психически уязвим или имеет к этому некоторую предрасположенность. Обычно эпидемия прекращается после того, как болезнь перезаразит всех психически уязвимых членов определенной группы, и не распространяется дальше. Информационное заражение может происходить через средства массовой информации. Например, такая болезнь как нервная анорексия, поражает в первую очередь молодых женщин, которые начинают отказываться от пищи, принося вред своему здоровью – это вызвано влиянием средств массовой информации, которые пропагандируют стереотип стройной фигуры.

ПРИМЕР 11. Укусы виртуальных насекомых.

Женщины на фабрике одежды выполняли слишком много сверхурочной работы.

Эта работа мешала им заниматься домашними делами. Но отказаться от нее было невозможно, что создавало сильную психологическую перегрузку. Эпидемия началась с того, что прибыла большая партия одежды из-за рубежа. Практически сразу после этого несколько социально изолированных, психологически уязвимых женщин сообщили, что были укушены неизвестными ядовитыми насекомыми. Вслед за ними оказались «укушены» те, с которыми эти женщины наиболее близко общались.

То есть эпидемия укусов несуществующих насекомых распространилась информационно, по каналам общения и чем более тесным было общение, тем более быстрым и заражением. После этого оказались «укушены» целые группы женщин – те, которые близко и много общались друг с другом, а затем и все остальные. Эпидемия продолжалась 11 дней.

2.4. МОРАЛЬНАЯ ЭПИДЕМИЯ

Было время, когда не существовало различий между телесной и психической болезнью. И то и другое лечилось, как вселение духа. Были времена, когда психически больных не лечили, а просто держали в клетках. То есть, обходились с ними так, как мы обходимся с преступниками сейчас. Общество защищалось от своих опасных членов, неспособное их излечить. То есть обращалось с ними так же, как сейчас оно поступает с **МОРАЛЬНО БОЛЬНЫМИ**.

Моральной болезнью мы будем называть **ЗАРАЖЕНИЕ ИДЕЕЙ ЗЛА**. Например, свастики на синагогах были симптомами не только информационной, но и моральной болезни. Толпа, которую при помощи некоторой идеи подбили на разрушительный бунт или на преследование жертвы, заражена именно моральной болезнью. Мальчик, который учится боксу и избивает своих одноклассников, оттачивая приемы боя, тоже болен морально.

Я хотел бы подчеркнуть три различия между информационным и моральным заражением.

1) Моральное заражение может быть просто частным случаем информационного, например, если при массовой истерии совершаются противозаконные или аморальные действия.

2) Информационное заражение может не иметь ничего общего с моралью. Если слегка покашлянуть в большом и тихом читальном зале библиотеки, то сразу же послышится легкое покашливание со всех сторон. Не сомневаюсь, что и у некоторых из вас сейчас возникло желание слегка прочистить горло. Это действие заразительно, но морально нейтрально. Я могу предложить эстрадный номер, который, при правильном исполнении, заставит долго и неудержимо смеяться весь зал. Я удивляюсь, как шоумены еще сами не додумались до такой простой вещи. Из зала приглашаются два человека, их ставят на сцене друг перед другом и дают задание: просмеяться как можно дольше. То есть, устраивают соревнование кто дольше просмеется. При этом смех совершенно не обязательно должен быть естественным. Достаточно просто говорить: "ха-ха-ха", но без остановки. Зал подхватывает это «ха-ха-ха» и поддерживает его уже естественным, настоящим смехом, этот смех заражает стоящих на сцене и они сами начинают смеяться по-настоящему, тем самым разогревая зал. И так далее. Цепная реакция заражения смехом. Однажды после такой демонстрации я почти почувствовал себя плохо, настолько сильно смеялся. При этом смех является абсолютно беспричинным. И этот вариант психического заражения не имеет отношения к морали. Примеры можно множить до бесконечности.

3) Моральное заражение – это более широкое понятие, чем заражение психическое или информационное, оно включает в себя те случаи, которые никогда не рассматривались как родственные истерии или массовому психозу. Любой человек, осознанно творящий зло, морально болен, даже если мы не знаем, когда и почему он стал таким. Может быть, его заразила семья, в которой и отец и мать имели криминальные наклонности. Может быть, он был некрасив или ущербен и в конце концов заразился идеей мести. Может быть, он заразился идеологией какого-нибудь новоявленного пророка и стал сектантом, националистом или террористом. Может быть, его подчинила себе идея накопления или идея собственного превосходства, или идея обязательной победы справедливости. Может быть, его заразила случайная идея, воспринятая из фильма.

Эпидемии криминального поведения появляются после показа соответствующих фильмов. Например, известно усиление криминального поведения несовершеннолетних после фильма "Маленький цезарь" в 1932 году. Здесь мы имеем моральную эпидемию почти в чистом виде.

Другой распространенный вариант развития моральных эпидемий – когда человек, долгое время настроенный асоциально, наконец совершает проступок. К эпидемии присоединяются люди с другими формами подавляемых или антиобщественных чувств, а затем и многие прочие обиженные. Так распространялись бунты или целые волны бунтов, прокатывавшихся через государства и иногда ставившие их на грань гибели.

Моральными эпидемиями являются войны – последняя мысль не нова и высказывалась до меня множество раз.

Неотзывчивые свидетели: несколько десятков людей наблюдают за преступлением, который каждый из них мог бы предотвратить. Каждый из них ЗАРАЖАЕТСЯ ПРЕСТУПНЫМ БЕЗДЕЙСТВИЕМ других наблюдающих. Каждый ждет – кто же сделает первый шаг, но никто не делает этот шаг сам. В результате преступление все же совершается.

Оповещают о надвигающемся наводнении, но люди не покидают своих домов: каждый ЗАРАЖЕН СПОКОЙНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ своих соседей. Все смотрят друг на друга – кто же испугается первым. И как только появляется первый, начинается паника: люди ЗАРАЖАЮТ ДРУГ ДРУГА СТРАХОМ.

Толпа выбирает себе вожака и начинает верить в его непогрешимость и следует за ним, постоянно увеличиваясь. Толпа заражает новых членов верой в непогрешимость вождя.

Религиозные секты, всяческие тоталитарные «братства» и "церкви". Сектанты или мистики могут доводить себя до такой степени иступления, что начинают видеть галлюцинации и эти галлюцинации тоже могут распространяться эпидемически.

Рождается слух о том, что погибший правитель (бывший, разумеется, лучше нынешнего) на самом деле жив. Слух противоречит здравому смыслу, но он настолько силен, что покоряет целый народ и просто рождает к жизни целое созвездие лже-правителей.

ПРИМЕР 12. Флагелланты

Флагелланты – религиозные фанатики, которые появились в Европе в тринадцатом веке. Проповедовали скорую божью кару и использовали ритуальные мучения самих себя на глазах у других людей. Секта появилась в центральной Италии в 1259—1260 и имела до 10000 членов. Они бегали по улицам, избивая себя бичами и призывая всех свидетелей присоединиться к ним (моральная эпидемия достаточно большой заразительности; можно было бы без труда изобрести еще несколько подобных, основанных на том же принципе, но лучше этого не делать, ведь идея может оказаться жизнеспособной). Манфред, король Неаполя и Сицилии, испугавшись, пробовал было их преследовать, но они быстро рассеялись по Европе.

Вначале флагелланты выделялись своей набожностью, но со временем к секте присоединились многие недостойные люди. Они нападали на евреев во многих городах Германии и Нидерландов. Чума в Европе усилила это движение, так как действительно напоминала конец света. Флагелланты организовывали банды и принимали обет терпеть мучения на протяжении 33 дней, по количеству лет жизни Христа. Потом были объявлены еретиками и в пятнадцатом веке почти исчезли, хотя появлялись то там, то здесь до конца девятнадцатого.

Эпидемия воровства, описанная ниже, не является клептоманией по следующим причинам: настоящая клептомания встречается очень редко; в случае клептомании больной не может сопротивляться позыву украсть и, чем больше сопротивляется, тем больше хочет, и при этом может страдать, сознавая болезненность своего поведения; кроме того, клептоман часто ворует предметы, которые могут представлять собою сексуальные или другие символы. В данном случае: было все равно что воровать, все равно воровать или не воровать и эпидемия распространилась достаточно широко. То есть это была не психическая а именно

моральная болезнь. Ювенильная kleптомания, связанная с отсутствием соответствующих моральных принципов.

ПРИМЕР 13. Чувство исследователя, открывающего новые земли

Я не знаю, каждый ли в детстве проходит через это, но многие, это точно. А может, у каждого что-то свое. У нас была полоса воровства, примерно в год длиной. Началось с того, что кто-то у кого-то что-то украл, вытащил из кармана.

Это был мой знакомый из старшего класса. Мы все возмущались, а спустя пару дней начали воровать сами. Сначала понемногу, потом как снежный ком. Воровали постоянно, любые мелочи. Начали хвалиться своим умением, спорили, кто лучше украдет яблоко с лотка. Скоро мне казалось, что воруют все, во всяком случае я не могу назвать такого из своих знакомых, который не воровал – хотя еще недавно никто и не думал об этом.

Воровали мы все подряд, но в основном по карманам, процентов на девяносто из карманов. Начинали в нашей школьной раздевалке и воровали в основном деньги и всякие мелкие штучки, которые школьники оставляют в карманах. Никаких угрызений совести или чего-то такого не было. Немного боялись попасться, совсем немного. Всегда орудовали маленькими шайками по два или три человека.

Кто-нибудь один сторожил, другие лазили по карманам, потом делились. Через некоторое время стало поступать слишком много жалоб на карманное воровство и в раздевалку специально назначили дежурную. Всех, в том числе и нас, предупреждали, чтобы мы не оставляли деньги и вещи. Было смешно слушать, когда предупреждали нас, именно нас, и после таких бесед мы работали еще смелее. Но кольцо стягивалось, продолжать становилось все труднее, выручка падала. Игра стновилась неинтересной – как будто ловишь рыбу в пруду, где ее всю выловили.

Несколько раз мы чуть не влипли. Другие тоже пробовали следовать нашему примеру и раза два сильно попались. Ведь мы начинали в спокойные времена и успели приобрести опыт. С теми, кто попался, коллектив разбирался жестоко, воровали ведь у своих. Мы участвовали в этих разборках наравне со всеми и жалости не было ни капли, то есть совсем. Они ведь сами виноваты, что попались. Со временем наша активность распространилась на внешкольные учреждения – там, где были раздевалки со свободным доступом. Например, районная детская библиотека.

Через какое-то время в библиотеке тоже начали предупреждать всех, чтобы они не оставляли деньги в карманах. В библиотеке выручка была больше. Там, случалось, вытаскивали не только мелочь, но и полные кошельки, конечно, не туго набитые, но все-таки. После одной такой экспедиции мы раскрывали кошелек прямо на улице и выясняли его содержимое. К нам незаметно приблизился человек преступной наружности и поинтересовался, как мы его украли. Мы стали возражать и кое-как ушли. Кажется, он не собирался отобрать наши деньги и даже был готов поделиться преступной премудростью. Может быть, если бы мы тогда попались в руки профессионала, жизни наши бы сложились по-другому. Я до сих пор ощущаю некоторый трепет, опуская руку в незнакомый карман (например, в карман куртки, которую не надевал пару лет) – я жду, что там окажется. Это совершенно особое чувство, которого я не могу объяснить или правильно передать словами. Больше всего это похоже на чувство исследователя, открывающего новые земли. Нечто подобное я чувствовал, когда бывал в красивых незнакомых городах и в поисках тем для красивых снимков (я фотограф) углублялся в незнакомые улочки. Может быть Колуб открывал Америку из тех же побуждений. Но все это слабее, намного слабее.

В точности таких же чувств я не переживу больше никогда. Иногда я опускаю руку с карман кого-то из родственников без малейшего желания что-либо взять: я просто хочу пережить тень того чувства.

Потом эта мания полностью исчезла, непонятно куда и почему, просто пропала.

Если бы мы были схвачены и наказаны, то наша судьба была бы predetermined отношением других людей к нам – я думаю, что тогда мы стали бы настоящими преступниками. Может быть, большинство преступников, которые начали с детства – это те, кому не дали пережить ту ли и иную манию так, чтобы она пропала сама собой.

2.5. БОЛЕЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ

Не существует универсального определения болезни. Обобщая, можно сказать, что болезнь это любое вредное изменение, которое нарушает нормальный внешний вид, структуру и функцию тела или его частей.

В случае болезни человек:

1) Испытывает страдание.

Давно пора понять, что морально больной человек так же страдает, как любой другой больной. Он не только подлец, негодяй и так далее, он так же жертва, – жертва своей болезни. В отчетливо выраженных случаях, например, при жестоких преступлениях, обычно можно определить что толкнуло человека – не на этот шаг (на этот шаг его толкнула болезнь), а на этот путь. Он мог воспитываться в таких условиях, которые сделали любой другой путь для него невозможным. Может быть, он имел врожденный дефект психики, который в соответствующих условиях просто лишил человека выбора. Свой выбор: преступление – он совершил сам, но вопрос в том, почему он оказался вообще способен на такое решение, почему он вообще оказался способен к сознательному причинению зла. И здесь он может оказаться невиновным. Он так же мало отвечает за то что с ним случилось, как и заболевший, например, раком или рожденный уродом. Преступление отвратительно и непростительно – но отвратительна болезнь, а не больной, который является ее жертвой и страдает от нее больше всех нас.

Общество вправе защитить себя от такого человека, но не более того.

2) При болезни уменьшается способность к выполнению тех или иных задач, вначале в частностях, затем организм просто не может поддерживать свою жизнедеятельность. Болезнь может приводить к смерти. Может нарушать или полностью разрушать ту или иную функцию организма.

В случае моральной болезни: больной постепенно теряет друзей и заменяет их другими людьми, также больными. Если он слишком зол, жесток или несправедлив, его способность к общению может практически разрушиться. Если он оказывается в тюрьме, то рвутся очень многие социальные связи. Если он совершает преступления, то очень велика вероятность его насильственной, то есть преждевременной смерти. И чем глубже он погружается в зло и порок, тем такая вероятность больше. Закоренелые преступники долго не живут. Они убивают друг друга или их убивает закон – то есть, они гибнут в результате своей болезни.

Морально больные люди, тяжело больные, практически всегда тупы: уже потому, что их болезнь мешает им получить полноценное образование или потому, что она резко сужает круг интересов. То есть, моральная болезнь нарушает, частности, такую функцию, как интеллект.

3) Снижается субъективное качество жизни. Качество жизни – это не четкое, но интуитивно вполне ясное понятие. Например, человек, который болеет астмой или подагрой, ощущает свою жизнь менее качественной, чем человек, равный ему во всех отношениях, но здоровый. Аналогичным образом, жизнь садиста или карманного вора хуже жизни здорового человека.

4) Другой признак, по которому можно определить, что человек болен: проблемы в повседневной жизни; проблемы там, где у здоровых людей все в порядке. Морально больной может испытывать трудности в семейной жизни, в общении, при приеме на работу или в обучении.

5) Болезни приносят убытки обществу и людям.

Одна из причин убытков – преждевременные смерти людей – и вследствие морально неверного поведения и вследствие морально неверного способа жизни, который ведет к

заболеваниям и смерти. В то же время долгоживущие морально больные находят жизненное счастье в том, чтобы мучить окружающих. Этим они сокращают жизнь многим людям вокруг себя и значительно снижают качество этой жизни, иногда до нуля (когда уже жить не хочется) или до отрицательных величин

(когда хочется умереть). Они могут заражать других людей ненавистью и делать их морально больными: могут доводить их до такого состояния, когда хочется убить или по крайней мере причинить вред.

ПРИМЕР 14. Молот

В школе набирались три первых класса. В первый класс «А» попали лучшие дети, класс дали лучшему учителю и поначалу по всем показателям он был впереди других. Но уже вскоре два мальчика из этого класса начали проявлять признаки морального неблагополучия. Оба они стали истязать своих одноклассников. Один из них, тот, что посильнее, предпочитал физические истязания, а другой психологические. В течение нескольких лет практики они довели свое искусство до совершенства. Успеваемость в классе становилась все хуже и хуже. Классные руководители менялись каждый год, каждый старался подsunуть неприятный класс другому. Наконец класс попал слабой и психически уязвимой женщине N. К этому времени все мальчики класса, кроме одного, приобрели устойчивые садистические наклонности и регулярно издевались друг над другом и над девочками. Последний незаболевший через некоторое время был госпитализирован с сотрясением мозга, после которого оказался неспособен к учебе. Девочки, вначале запуганные, потепенно приспособились к ситуации и стали чувствовать себя в классе нормально.

Однако в здоровых условиях они просто не знали как себя вести и не понимали доброго отношения к себе. С ними было почти невозможно найти общий язык.

Каждое доброе слово они вполне серьезно воспринимали как начало нового хитрого издевательства. Классный руководитель теперь уже седьмого класса ненавидела большинство своих учеников и часто срывала на них зло. Теперь и она начала получать удовольствие от издевательств над слабыми.

В этом случае два негодяя испортили целое десятилетие жизни тридцати нормальным детям и, возможно, исковеркали будущую судьбу многих из них. Не тридцать влияют на двоих, а наоборот. Не здоровые заражают больных своим здоровьем, а больные здоровых. Один человек может погубить десятки и сотни ни в чем не повинных других. Случай, приведенный в качестве примера, отнюдь не единичный. Подобные вещи – скорее нормальная практика, чем исключения. Подобное творится – где-то сильнее, где-то слабее – во всех школах или других коллективах, где детей принуждают находиться рядом друг с другом. И если любое законодательство считает преступлением небольшую карманную кражу, то почему не считается преступлением – это? А если это преступление – то кто виноват? И до каких пор мы еще будем подставлять невинных детей под этот молот?

Попробуем сформулировать основную идею.

Человек, специально причиняющий зло, морально болен. Причем сюда же относится и случай слепого зла, когда человек не понимает, что творит, но действует намеренно.

Целенаправленное причинение зла есть моральная болезнь. Человек, способный к такому поведению морально болен.

Гораздо более сложная проблема состоит в том, чтобы сформулировать, что такое моральное здоровье. Интуитивно это ясно, но на самом деле это понятие зависит от социальных норм общества. Считается, что если субъект нарушает определенные социальные

нормы, то он болен, либо морально, либо психически – и его нужно наказывать или лечить. Но многие нормы устанавливались морально (а порой и психически) больными людьми. Собственно, так же обстоит дело и с понятием психического здоровья – разные страны имеют разные нормы. В гораздо меньшей степени, однако все-таки можно сказать это же и о здоровье телесном: страны с более эффективной системой здравоохранения будут устанавливать более высокие нормы.

Кого считать морально здоровым? С точки зрения сектанта – это тот, кто верен принципам секты. С точки зрения националиста – это тот, кто верен нации, причем, сколько наций, столько и вариантов "истины". С точки зрения приверженца диктатора – это тот, кто считает добром и истиной любое слово вождя, а все остальное злом и подлежащей истреблению ересь. Предпринимались уже не раз попытки выработать моральный кодекс, объяснить, что такое хорошо и что такое плохо, но я не знаю ни одной достаточно успешной. Авторы такого кодекса должны быть абсолютно здоровы сами, в моральном плане, что практически недостижимо.

Но, даже если бы такой автор нашелся, ему бы пришлось убедить остальных, не вполне здоровых, в том что он прав. Сомнительно, чтобы ему удалось это сделать.

Дело еще и в том, что невозможно определить, что такое зло. Если математик не может определить, что такое точка или плоскость, но тем не менее свободно пользуется этими понятиями, его действия признаются законными и верными. Когда же речь заходит о зле, сразу просят сказать, что это такое. Но этого невозможно сделать, можно лишь пользоваться понятием зла, как математик пользуется понятием точки. По этому поводу существует огромное количество софизмов, домыслов, спекуляций и теорий "для личного пользования", но мы не будем углубляться в это болото, потому что твердой почвы здесь просто нет и опереться нам будет не на что. Но важный факт состоит в том, что некоторые наши представления о зле настолько извращены, что сами являются злом. Это зло передается из поколения в поколение, как чудовищная моральная слепота, КАК НАСЛЕДСТВЕННАЯ БОЛЕЗНЬ и мешает нам видеть вещи такими, какие они есть. Особенно много таких болезненных измышлений в области половой морали.

Однако ситуация не вполне тупиковая. К эталону морального здоровья можно приближаться постепенно. Существуют (и время от времени появляются новые) морально здоровые документы (или более здоровые, чем предыдущие аналоги).

Примером может служить хотя бы Декларация прав человека.

2.6. АНАЛОГИЯ С ИЗВЕСТНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Моральных болезней должно быть множество, так же как телесных или психических. Сотни или тысячи. Но ни одна из них еще не названа и не описана.

Тут недолго и растеряться. С чего начать? Как обозначить безымянное? Как разложить громадные объемы информации по полочкам с каллиграфическими надписями, если полочек пока не существует, а тем более нет надписей на них? Есть, впрочем, религиозные толкования некоторых из моральных болезней, как грехов. Но любая религия это чрезвычайно утонченная духовная и интеллектуальная постройка – и чтобы дать в ней новое суждение, вы должны быть гением особенного рода –

Фомой Аквинским, например, или Августином. Да и в этом случае не все сказанное вами будет верным.

На первый взгляд кажется интересным провести аналогию между уже известными болезнями и моральными. Тем более, что существуют определенные черты сходства. Например, фанатизм можно толковать, как моральную опухоль – иногда злокачественную, толкающую фанатика к гибели от переизбытка и выпячивания некоторого частного морального суждения, а иногда доброкачественную, просто делающую фанатика посмешищем или предметом осуждения.

Можно было бы говорить о моральной амнезии – в том случае, когда мы забываем то, что нам невыгодно помнить. Психоанализ имеет дело в первую очередь с этой болезнью. Можно говорить о старческих моральных расстройствах, аналогичных старческим телесным и психическим болезням. Моральный идиотизм или моральное слабоумие будет означать неспособность к правильному моральному суждению. Моральная анорексия (при анорексии женщина отказывается от пищи, чтобы похудеть и, таким образом, соответствовать некоторому идеалу) есть лишение себя определенных благ по моральным причинам, это например вегетарианство из-за того, что "плохо убивать животных" или потому что, животные перед смертью чувствуют страх и он передается едоку. Это отказ от сексуальных отношений из-за их предполагаемой греховности и так далее.

Исходя из этой аналогии, возможен, например, моральный метеоризм (метеоризм – скопление газов в кишечнике, больной метеоризмом производит неприятный для окружающих запах, которые они вынуждены терпеть) – больной, уверовав в примитивную и вздорную идейку, начинает нести ее всем окружающим, против их воли. Нечто подобное произошло с Гоголем, хорошим писателем, но не очень хорошим мыслителем.

Возможна моральная зависимость от некоторого авторитета, образца или священного текста; она аналогична наркотической или алкогольной зависимости и подобным же образом туманит и разрушает сознание.

Но это только аналогия и не больше. Она пригодна лишь как иллюстрация и не имеет объяснительной силы, а тем более, предсказательной. Это «сорная» идея, которая никуда нас не приведет. Может быть, она и годится – но только на первых порах, как первое и очень неточное приближение к истине.

Существуют болезни, под эту аналогию не подходящие. Например бюрократия (или бюрократизм). Имеется ввиду не бюрократия, как полезный для государства слой чиновников, а бюрократия, как особенное извращение здравого смысла, выражающееся в том, что на месте всякого прямого хода обязательно строится лабиринт.

Отдельно нужно остановиться на слабости морального иммунитета: то есть болезни, при которой человек следует свободно зарождающимся идеям зла.

ПРИМЕР 15. Из воспоминаний врача.

Однажды мы с братом навестили нашу мать, которая лежала в больнице после операции. Она была уже почти здорова и вскоре должна была выписаться. Мы достали нож и начали резать хлеб. Это был обычный большой кухонный нож. Когда мать повернулась ко мне спиной и склонилась над постелью, у меня в руках был этот нож и мне захотелось вонзить его ей в спину. При этом я не испытывал к ней ни малейших неприятных чувств. Просто такая странная мысль всплыла в моем мозгу и мне стоило определенных усилий сдержаться. Я положил нож и еще несколько дней не прикасался к нему. Мне казалось что он излучает непонятную силу, и я был не уверен, смогу ли преодолеть ее в следующий раз.

Описанный случай кажется диким на первый взгляд, но на самом деле он вполне обычен. О том, почему такие вещи происходят, как часто происходят и какие имеют последствия, мы поговорим позже. Сейчас я только приведу несколько признаний такого же рода. Все признания принадлежат совершенно благополучным подросткам, даже шестое.

1) Спит маленький котенок, прохожу с горячим чайником, хочется налить на него кипятком.

2) Когда я еду на троллейбусе или на трамвае, у меня возникает желание бросить что-нибудь тяжелое по ходу обгоняющих машин, чтобы это что-то разбило им лобовое стекло и машина от резкого торможения и узкого пространства на дороге перевернулась.

3) У меня много мелких мыслей: разбить стекло, поломать замок, выбить дверь, ударить кого-нибудь. Эти мысли возникают так от нечего делать, когда та или иная мысль привлекает тебя воспоминаниями от какого-нибудь фильма.

4) Сажу в гостях у подруги. Она сидит напротив. Хочется сделать большой взмах ногой, чтобы тапочек упал прямо на нее.

5) На столе красивая скатерть. Лежат ножницы. Хочется вырезать цветочки.

6) Стоит подруга. В руке у меня нож. Хочется проткнуть ножом ей пузо и ковырять, ковырять.

7) Сажу за столом. На столе лежит ключ. Хочется взять ключ и бросить в стекло.

8) Включила музыку, чтобы соседям било по голове.

Идеи зла, подобные этим, постоянно возникают в головах любых здоровых людей, просто мы привыкли не замечать их. Но в головах тех, кто морально нездоровы, возникают гораздо более страшные идеи. И существуют ситуации, в которых такие идеи могут быть реализованы. Например, ситуации безнаказанности – реальной или даже мнимой. Реализованы только в том случае, если нет ВНУТРЕННЕГО запрета на зло.

2.7. ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕЧЕНИЯ

Уже достигнуты определенные успехи в лечении телесных болезней, гораздо меньше определенности с лечением психических и практически ничего нельзя сказать о лечении моральных – ибо их пока не лечат. Первый шаг, который нужно сделать сейчас – осознать необходимость лечения, и не заменять лечение наказанием – там, где это возможно.

Сейчас существует довольно большая группа методов коррекции поведения.

Например, биологическая обратная связь. Человеку показывают на экране монитора его собственные альфа или тэта волны (электрические колебания, происходящие в мозге) и обучают его влиять на эти колебания. За счет обратной связи, то есть, за счет того, что он мгновенно видит результат своих усилий, человек может научиться управлять своим вниманием, настроением или вообще научиться управлять собой в стрессовых ситуациях.

Другие методы это электрическая и химическая терапия: человек получает легкий удар током всякий раз, когда он ведет себя неправильно. Постепенно неправильное поведение перестает его привлекать. Либо он испытывает неприятные ощущения типа тошноты или головокружения, если делает что-то не так, например, употребляет алкоголь.

Более действенные методики, такие как промывание мозгов или хирургическое вмешательство, в большинстве своем сами являются аморальными, хотя и приносят результат. Промывание мозгов состоит в том, что предварительно психику человека доводят до грани срыва, до того состояния, когда она начинает разрушаться, а потом восстанавливают ее в измененной форме. Первая часть такой процедуры обычно очень болезненна, она может заключаться в длительном лишении сна, причинении непереносимой боли, лекарственном шоке и так далее. Наиболее гуманной в этом плане является полная сенсорная изоляция: человека содержат в таких условиях, когда его органы чувств получают минимальное количество информации, что приводит к галлюцинациям и прочим расстройствам психики. В этом состоянии любая посторонняя информация будет восприниматься как благо и легко усваиваться.

Промывание мозгов широко использовалось во второй половине двадцатого века в политических тюрьмах и в некоторых религиозных сектах. Обязательным элементом этого метода было лишение индивида психологической поддержки, вырывание его из привычного окружения.

Об древней и жестокой методике превращения свободного человека в хорошего раба писал Чингиз Айтматов. В Азии пленному надевали на лоб свежую полоску шкуры с шеи верблюда – и оставляли его на несколько дней под палящим солнцем.

Шкура постепенно высыхала и сжималась, доставляя человеку невыносимые мучения.

Подавляющее большинство пленных не выдерживали такой процедуры и умирали. Зато остальные теряли память и связи со своим прошлым и затем становились послушными рабами новому господину. Такой раб был неспособен на предательство или побег, поэтому очень ценился. Возможно, в древности существовало много методов промывания мозгов.

Кроме всего вышеперечисленного, существует просто громадное количество психотерапевтических теорий и методик, каждая из которых базируется на своих собственных принципах и каждая дает определенный, не очень надежный результат.

Этих методик так много, что просто не хватит места, чтобы их назвать.

Но методы, существующие до сих пор, это методы лечения телесных или психических заболеваний. Задачи лечения моральных болезней до сих пор не ставилось. И поэтому еще не выработаны нужные меры и способы. Необходимы принципиально новые подходы, а не механическое перенесение на новую область представлений психиатрии. Лечить моральную недостаточность сенсорной изоляцией или электроударами так же сложно и неверно, как

лечить сумасшествие кровопусканием. Нужна новая группа методов. Совершенно недостаточно то, что было описано, например, в известном романе "Механический апельсин": с помощью методик коррекции поведения преступника доводят до такого состояния, когда он не может совершать преступления – при каждой попытке ему становится плохо.

"Излечив" таким образом, его выпускают на свободу. Но болезнь не излечена – всего лишь заблокированы ее симптомы. Настоящее излечение должно было бы сделать преступника порядочным, честным, сострадательным, следующим велениям совести. И только в этом случае его можно будет считать морально здоровым.

ПРИМЕР 16. Крысы-садисты

Опыт организуют таким образом, что крыса, получающая пищу, при этом наносит своему собрату электрический удар. Большинство крыс мало озабочены этим и продолжают принимать пищу. После этого «счастливую» и «несчастную» крысу меняют местами. Та, которая преспокойно ела под крики «несчастной», теперь пробует электрический ток на собственной шкуре. Затем их снова меняют местами.

Большинство крыс, испытавших боль, теперь отказываются эту боль причинять. Но примерно каждая пятая из "испытываемых", продолжает мучить своего товарища после любого количества повторений, а возможно, ей даже нравится это занятие.

Итак, большая часть крыс, испытавших боль на своей шкуре, перестают причинять такую же боль другим. То есть, ЛУЧШЕЕ ПОНИМАНИЕ ДРУГОГО МЕШАЕТ ПРИЧИНИТЬ ЕМУ ЗЛО. Конечно, нет необходимости мучить человека, для того, чтобы он стал добрее. Его нужно научить пониманию чувств ближнего. Изучение психологии в большинстве случаев снижает агрессивность человека, во-первых, потому, что дает ему лучшее понимание чужих чувств; во-вторых, потому что вооружает его методами влияния на других и на самого себя, – а к жестокости прибегают обычно тогда, когда не имеют в своем арсенале других средств воздействия. Поэтому читайте книги по психологии.

Агрессивность заметно снижают домашние животные, но не злобные сторожевые кобели, конечно, а те животные, чье главное назначение – служить предметом любви и ласки.

Агрессивность снижает обыкновенное зеркало. Если человек видит свое отражение в зеркале, то ведет себя более сдержано. Это не относится к случаю сильного гнева: в гневе зеркало лишь распаляет человека, так как он «заражает» этой эмоцией сам себя.

Следующая очевидная вещь: способность стыдиться гарантирует защиту от многих моральных болезней, – при определенных условиях. А так же может быстро и радикально излечить. Для развития этой способности нужно: **ФОРМИРОВАНИЕ ЧУВСТВА**

САМОУВАЖЕНИЯ И УМЕНЬШЕНИЕ САМОДОВОЛЬСТВА. О полезной функции стыда знали еще давным-давно. Один древний правитель набирал себе охрану из тех людей, которые умели краснеть – считая, что такие неспособны на предательство.

Поразительна беспечность, с которой «неисправимые» преступники относятся к чужой жизни. Например, зарезав человека, они преспокойно спят и не ощущают ни малейших угрызений совести. Один узник лагеря поведал о следующем случае.

Мальчишки-заключенные достали небольшое взрывательное устройство и, ради интереса, засунули его в карман впереди идущего. Точно так, как школьники вешают впереди идущему на спину листок бумаги с надписью. Когда человека разорвало на клочки, они весело смеялись. Здесь налицо абсолютное безразличие к чужой жизни. Но дело в том, что такие люди безразличны и к жизни собственной.

Они подвергают себя бессмысленному риску, травят себя наркотиками и химикатами и в конце концов гибнут в какой-нибудь поножовщине. То есть, к себе они относятся немногим

лучше, чем к другим. В их собственной жизни нет ничего ценного, нет такого, ради чего стоило бы жить, что бы оправдывало тяжесть и жестокость жизни.

И поэтому они не могут понять, что в жизни других людей такие ценности есть.

Для того, чтобы научиться ценить чужие жизни, человек должен, как минимум, ценить свою собственную. Если он этого не может, этому нужно учить. Если же никаких ценностей в жизни нет вообще, их нужно дать. Нужно научить человека пользоваться своей жизнью так, чтобы она стала бесценна.

Итак:

- 1) Нужно научить пониманию другого;
- 2) усиливать самоуважение;
- 3) уменьшать самодовольство;
- 4) дать жизненные ценности, такие, ради которых стоит жить и которые оправдывают тяжесть жизни.

(Пункты третий и четвертый использует религия, поэтому искренне верующие менее склонны причинять зло)

Но пока видны только некоторые (далеко не все) направления. Мы уже видим, что нужно, но не знаем, как этого достичь. Пока рано говорить о конкретных методиках. Но самое время сказать о том, чего делать нельзя.

Первое, что совершенно очевидно, так как моральные заболевания чрезвычайно заразны и поддерживают себя с помощью многократного заражения и перезаражения: больной должен содержаться отдельно от других больных и не вступать с ними в информационный контакт. Следующее: он должен содержаться и отдельно от здоровых, которых может заразить. То есть, общаться он может лишь с людьми обладающими устойчивым иммунитетом, морально здоровыми или, в крайнем случае, с заместителями людей – книгами, видео-записями и прочими носителями информации.

Это требование может показаться на первый взгляд слишком суровым или нарушающим некие права. Но никого ведь не удивляет и не возмущает, что изолируют инфекционного больного.

Это делается не только для блага здоровых, но и для его собственного блага. Никого не удивляет, что больной чумой не пьет из одной чашки со здоровым, ведь инфекция может быть передана через чашку. Зато больные коричневой чумой разнесли заразу по всей планете, потому что имели большие возможности для распространения инфекции.

На первый взгляд, основным источником, поддерживающим низкий уровень морального здоровья в государстве, являются тюрьмы. Попав в тюрьму однажды – по глупости, неосторожности, случайно, некоторые (мягко сказано) выходят отуда настоящими преступниками. И многие выходят более больными, чем попадают.

Главное давление на заключенного, как уже признано всеми, исходит не от персонала тюрьмы, а от других заключенных. Особенно тяжело это проявляется в переполненных тюрьмах. Там образуется особая субкультура, правилам которой каждый заключенный обязан следовать. Иерархия и выполнение неформальных правил поддерживается жестокостью. Даже самые закаленные обитатели тюрем испытывают постоянный и сильный стресс из-за близких контактов с подобными себе.

Содержание в одной клетке с преступниками есть не что иное, как ПЫТКА. Это единственная пытка, повсеместно разрешенная законом. Герои фильма, выбивая признание, грозят подозреваемому тем, что посадят в одну камеру с уголовниками, которые будут его избивать – так уж сильно ли это отличается от собственноручного избиения? До сих пор пыткой считается причинение физической боли, хотя ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БОЛЬ ГОРАЗДО БОЛЕЕ ДЕЙСТВЕННА.

Отсидев, человек становится преступником или, по крайней мере, более преступным, чем раньше. Но здесь дело не только в заражении – а еще и в том, что давление на заключенного со всех сторон направлено на то, чтобы снизить ценность его жизни, что аналогично снижению морального иммунитета. Далеко не каждый ведь становится уголовником, проведя среди уголовников несколько лет, не каждого унесет течение – а только того, кто не имеет достаточно веского внутреннего якоря.

Теперь несколько возражений.

Еще пару столетий назад тюрьмы ни коим образом не использовались как места отбытия наказания. В тюрьмах сидели должники, преступники, ожидающие казни или высылки, да еще неугодные лица, которых требовалось на время спрятать.

Но преступность от этого не уменьшалась.

В свое время существовала многообещающая Пеннсильванская система, при которой каждый преступник сидел в отдельной камере, занимался каким-нибудь ремеслом и не видел никого, кроме офицера и редких посетителей. Особого выздоровления в этом случае тоже не наблюдалось.

То есть, ни уменьшение количества тюрем, ни введение одиночного заключения не решит проблемы – хотя, вроде бы, и уменьшит (устранит) моральное заражение.

Так в чем же дело?

Ответ прост. Если оставить уже заболевшего чумой в отдельной палате, он не заразит других, но и сам не выздоровеет. Чтобы человек стал здоров, его нужно лечить, а не оставлять наедине со своей болезнью.

Изоляция преступника в тюрьме имеет три основные цели: защита общества от преступника; наказание преступника, реабилитация преступника. Причем реабилитация оказывается на последнем месте. На самом же деле первой целью должно быть излечение или реабилитация, второй – защита, а наказания не должно быть вовсе, потому что излечившийся будет в достаточной степени наказан собственными муками совести и нет на свете другого справедливого наказания. Но только излечившийся, а не просто отсидевший срок.

Во многих странах несовершеннолетние преступники содержатся в отдельных учреждениях и предполагается, что они не столько наказываются, сколько получают лечение, перевоспитание, социальную реабилитацию и необходимые навыки для законопослушной жизни. Результат таких мероприятий отнюдь не обнадеживает: нельзя сказать, что происходит действительное излечение. Кроме того, коммунистические и прочие психушки, где раньше «лечили» несогласных – действовали, вообще-то, теми же методами, какими действуют сейчас заведения по перевоспитанию малолетних преступников.

Но если пока не существует действенных лекарств, это не значит, что не существует болезни.

Раздаются даже голоса, утверждающие, что человек имеет право быть "морально иным", то есть не подчиняться общепринятым нормам морали и закона. Но почему-то никто не отстаивает права быть «иным» и умирать от воспаления легких, которое запросто лечится антибиотиками.

Проблема не только в тюрьмах.

Попавший в принудительную армию свободным человеком, выходит оттуда отчасти рабом. Счастливый отличник в первом классе превращается в злобного и тупого хулигана в восьмом. Живущий среди скандальных соседей становится скандалистом сам. Жизнерадостный младенец, воспитанный бестолковыми родителями, превращается в несовершеннолетнего деликвента. Страны продолжают воевать, то есть – убивают множество людей – вслушайтесь в звучание этих слов и осознайте их смысл. Он не умещается в здоровом рас-судке: убивают – множество – людей.

Дело в экологии.

Представьте себе мост, состоящий из гнилых досок. Вы согласны проехать по такому мосту? Представьте корабль, склепанный из ржавых листов. Вы согласны отправиться на нем в путешествие? А теперь представьте общество, состоящее из непорядочных людей. Вы согласны в нем жить? Громадные неповоротливые системы проверок, контроля, наблюдения, предписания, издания директив, разносительства, слежки, проверки подозрений, удостоверения честности, обвинения, защиты от несправедливого обвинения, проверки проверяющих, контроля за контролерами, наблюдения за наблюдающими и так далее в бесконечность нужны только потому, что НИКОМУ НЕЛЬЗЯ ВЕРИТЬ НА СЛОВО. Повышение среднего уровня порядочности хотя бы на несколько процентов дал бы стране или человечеству сильнейший экономический скачок. Но мост остается гнилым, а корабль продолжает ржаветь. Он уже дает течь здесь и там, хотя еще держится на плаву.

В той или иной степени болен каждый, больно все человечество и это делает проблему особенной. Даже вернувшись из тюрьмы выздоровевшим, человек снова заболит – в том случае, если у него нет иммунитета. В качестве составляющих иммунитета я назвал бы четыре давно известных вещи: совесть, честь, порядочность, уважение к человеку.

Может быть, сейчас, при слишком большой распространенности болезней, главное не лечить отдельных людей, а создавать здоровые условия, предотвращающие моральные болезни. То есть заботиться об экологии.

Привычные преступники ведут себя отлично от нормальных людей. Например, если жертва проявляет признаки сильного страдания, нормальный человек прекращает ее мучить, а привычный к жестокости преступник начинает ее мучить еще сильнее.

Для него крики жертвы – это не сигнал к прекращению зла, а признак того, что он действует успешно. Точно так же хирург, приобретая опыт, постепенно перестает волноваться, услышав, как воет от боли человек. Точно так же на опытного учителя уже не действуют детские слезы. Это привычка к чужой боли, она лишает чужую боль ее главной функции: служить для всех сигналом "стоп!" или заставляя помогать. В этом плане жестокость, льющаяся с экранов, представляет собой всепланетное зло. Мы учимся видеть чужие страдания, не сострадая. Особенно опасно то, что это влияние распределяется равномерно на всех. Представьте себе, что все в мире уменьшится ровно в два раза. Сможете ли вы это заметить? – не сможете: вы точно так же будете проходить в двери и та же метровая линейка будет отмерять такой же кусок ткани. Для того, чтобы заметить изменение, его нужно с чем-либо сравнить. Если весь мир, включая вас, за одну ночь вдруг станет в два раза хуже, вы этого не сможете заметить, потому что будете так же соответствовать этому миру, как и сейчас. Поэтому страшнее всего равномерное сползание к злу.

Острота проблемы морального здоровья сейчас возрастает и, возможно, возрастет катастрофически. Это связано с освобождением и доступностью информационного пространства. Вы заметили, как пошла в рост порнография с появлением компьютерных сетей? А как быстро размножаются худшие образцы анекдотов? Заметили, как быстро падает средний уровень качества литературного текста? Заметили, что ИДЕАЛ ТУПЕЕТ – и даже все рекламные мультяшки имеют МИКРОСКОПИЧЕСКИЕ ЧЕРЕПНЫЕ КОРОБКИ, при более-менее верной передаче остальных деталей? Кому и зачем это нужно?

Это современные тенденции, но остаются и "классические". Все так же практикуется совместное принудительное содержание детей, не имеющих еще достаточного морального иммунитета. Среди них легко распространяются тяжелые моральные болезни и оставляют многих на всю жизнь моральными инвалидами. Так же в свое время обошлись и со мной, и с вами. Поэтому и моя, и ваша мораль хромает на обе ноги – и это навсегда. А трехлетние мальчики, общаясь друг с другом, С УДОВОЛЬСТВИЕМ повторяют мат: они уже заражены вульгарностью, как лишаем.

ГЛАВА 3

НЕКОТОРЫЕ ВАРИАНТЫ ЗЛА

Для большинства читателей значение слова «идея» понятно само собой. Но некоторые, может быть, захотят иметь более четкое определение. На всякий случай я даю два. Это не философские и не психологические определения, они вообще не вполне научны. Это рабочие определения, которые вполне справедливы лишь в тексте этой книги. Везде, где я говорю «идея», я имею в виду одно из них.

1) ИДЕЯ – ЭТО ВСЕ ТО, ЧТО МОЖНО ПОНЯТЬ. (Можно понять не только мысль, но и настроение, и художественный образ – поэтому и то, и другое, и третье в данной книге объединяются термином "идея").

С другой стороны, все то, что мы понимаем в течение своей жизни, образует наш опыт. Идеи – это элементы опыта. Причем это мельчайшие, неделимые его элементы, так же как молекулы – это мельчайшие элементы вещества. Если идею можно разложить на части, то на самом деле мы имели несколько идей. Идея всегда приходит целиком, в ней обязательно чувствуется целостность и, даже если она пока не ясна, то выступает из тумана единой глыбой, как айсберг. Поэтому понимание идеи – всегда скачок.

Идея Коперника о Солнце в центре Вселенной была поначалу лишь удобным способом для расчета положений планет; она избавляла (не полностью) вычислителей от многих эпициклов. Достаточно было сместить точку зрения – и математические трудности отпали сами собой. Вернадский смещает точку зрения и появляется концепция ноосферы. Моне смещает точку зрения и появляется импрессионизм.

Человечество не идет по пути своего развития, а прыгает, как воробышек или кенгуру, и каждый новый прыжок есть смещение точки зрения. Дискретно, как по ступенькам, каждая ступенька есть идея, родившаяся в голове отдельного человека и продолжившая свою жизнь в мире, отдельно от творца, на благо людям или во вред им. 2) ИДЕЯ – МЕЛЬЧАЙШАЯ НЕДЕЛИМАЯ ЧАСТИЦА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОПЫТА, КОТОРАЯ МОЖЕТ ПЕРЕДАВАТЬСЯ ОТ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА К ДРУГОМУ.

3. 1. НЕКОТОРЫЕ КВАНТОВЫЕ ЭФФЕКТЫ

Название условно.

Квантовые эффекты психики, вообще говоря, состоят в том, что **ВЛИЯНИЕ ОТДЕЛЬНОЙ ИДЕИ МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ СИЛЬНЕЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ, ЧЕМ ВЛИЯНИЕ ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ МОТИВОВ И ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА, ВКЛЮЧАЯ ИНСТИНКТ САМОСОХРАНЕНИЯ.**

1) Эффект раздвоения.

ПРИМЕР 18. Я не смог остановиться.

Когда мне было лет двенадцать, я попал в больницу с тяжелым переломом ноги. Я никак не могу понять почему я получил эту травму. Я любил лазить по деревьям и в тот раз влез на высокую березу. Потом вспомнил, что куда-то спешу и стал быстро спускаться. По пути вниз я стал ногой на тоненькую веточку, сухую, короткую и толщиной примерно с мизинец. Я вовремя понял, что нельзя на нее становиться, что я упаду, я понял это совершенно точно, но все равно стал и упал с большой высоты. Может быть потому что устал или спешил, но мне показалось, что я как бы два в одном, движения и ум – и движения идут чуть-чуть впереди ума. Может быть потому что я увидел эту веточку неожиданно. А совсем недавно я таким же образом расстался с женой. У нас была ссора и я сказал ей такое, после чего не может быть прощения. Я очень жалею об этом, особенно потому, что в тот момент я понял по ее лицу, что она уже хочет примирения. Ее лицо мне даже снится теперь, мне ее очень жаль, потому что как раз тогда она решила сдаться и кончить ссору. И как раз тогда я сказал. Ее лицо как будто обрушилось, и обрушилось все то, что было между нами. Прежде чем сказать, не знаю, на какую-то долю секунды раньше, я очень четко понял, что говорить этих слов нельзя и понял все последствия, о которых буду жалеть всю жизнь. Но все равно сказал, не смог остановиться.

Эффект заключается в том, что восприняв идею, которая может воплотиться в действие мгновенно, мы иногда **НЕ УСПЕВАЕМ ЕЕ КОНТРОЛИРОВАТЬ**. Это может приводить к тяжелым или вообще катастрофическим последствиям. Например, многие бытовые убийства, совершенные «в пылу», не случились бы, не будь этого эффекта.

Эффект также проявляется в тех видах спорта, которые требуют мгновенной реакции на неожиданность и может быть причиной абсолютно неоправданного риска.

2) Эффект откушенного языка

ПРИМЕР 19. Игра со случаем

Однажды я ехал в автобусе по неровной дороге. Поездка была долгой и я устал. Я поставил ногу на выступ внизу (под ним было колесо) и оперся локтем на колено, а на руку оперся подбородком. Мой язык был между зубами, и я давил как раз на нижнюю челюсть: как только автобус тряхнуло, я, конечно, сразу прикусил кончик языка. Я очень испугался, потому что мог бы остаться вообще без языка, если бы кочка была побольше, автобус трясло так, что я иногда подсакивал над сиденьем. Мне просто повезло. Но как только мне повезло, я опять, не меняя позы, просунул язык между зубами. Мне хотелось, чтобы на следующей кочке я успел среагировать и разжать зубы. Одновременно я понимал, что шансы выиграть в этой игре против случая очень невелики. И пока я думал о том, что я делаю и зачем я

это делаю и нужно ли мне это делать, автобус снова трянуло, теперь уже очень сильно и я с размаху щелкнул челюстями. Было ужасно больно и рот наполнился кровью. Вначале я думал, что совсем откусил язык. Обошлось, слава богу.

Эффект заключается в том, что если мы осознали, что некоторое действие опасно и не вполне избежали опасности, хочется повторить это действие, но так, чтобы полностью справиться с ситуацией. Иногда это ощущается как притягательность опасности: опасных мест, опасных людей, опасных поступков.

Так преступник возвращается на место преступления – для того, чтобы почувствовать себя в безопасности.

3) Эффект неожиданного повторения

ПРИМЕР 20. Лилипуты.

Со мной довольно часто происходят странные совпадения. Долгое время они меня просто удивляли, а потом я даже стал вести дневник и их записывать.

Например, я прочел рассказ о лилипутах, включил телевизор, а там идет программа о лилипутах. Но и рассказ о лилипутах и программа о них до сих пор встречались в моей жизни только один раз. Я нахожу незнакомое слово в словаре, а вечером этого же дня встречаю его в книге. Я сажусь в такси три дня подряд, и три дня подряд, выходя из машины встречаю неимоверно толстого мужчину, но каждый раз разного мужчину. Но кроме таких, случайных совпадений, есть и другие, символические. Это цепочки совпадений, которые до сих пор ничем хорошим не заканчивались. Однажды я в течение недели каждый день встречал похороны, а несколько дней спустя погиб мой знакомый. Я уже предчувствовал, что нечто подобное случится.

Приведу свой пример – это то, что случилось, лично со мной. Однажды за одно утро я встретил в разных местах города двоих бывших учеников одного и того же класса. Совпадение привлекло мое внимание и вскоре, к моему удивлению, я встретил еще одного. Потом я встретил уже четвертую ученицу из того же класса (все закончили школу несколько лет назад) и она рассказала, что все утро встречает одноклассников. Позже, по пути домой, я встретил еще одного в метро, то есть совпадения продолжались. Часа полтора спустя я рассказал о совпадениях жене и как только закончил рассказ, произошла еще одна встреча, теперь уже последняя. Ничего другого необычного в этот день не произошло.

То есть, полный цикл таков: вначале случаются несколько совпадений, субъективных, таких, что заметны только тебе, ты замечаешь это и потом происходит еще несколько совпадений, теперь уже почти невероятных, ты рассказываешь об этом случае кому-то и потом совпадение случается последний раз.

Я говорю о цикле, потому что такую же структуру совпадений я наблюдал еще раз. Тогда я не знал в какой институт поступить и мог поступить куда угодно.

Мне встретился знакомый, который, уже не помню почему, заговорил о Януше Корчаке. Я не имел понятия о том, кто такой этот Корчак, но поддакивал и делал вид, что знаю очень много. Но хорошо притвориться мне не удалось и после этой встречи остался неприятный осадок. Пару дней спустя я отправился в библиотеку; мне нужны были учебники. Я открыл первый попавшийся ящик каталога и попал на имя:

Януш Корчак. Я перелистал карточки – там было три книги этого автора. Корчак оказался знаменитым педагогом. Удивившись совпадению, я запомнил названия книг.

Когда я вышел из библиотеки, начался дождь и вскоре стал сильным. Мне пришлось убежать в дверь первого попавшегося магазина – и это оказалась букинистика. От скуки

я стал смотреть на полки и вдруг увидел именно те три книги Корчака, названия которых только что прочел в каталоге. В кармане у меня было, если не ошибаюсь, рубль и семь копеек. Я спросил сколько стоят эти книги и оказалось, что все три вместе – ровно рубль и семь копеек. Я их купил. Под впечатлением этого совпадения я пошел в приемную комиссию университета, зашел в случайную дверь и что-то спросил. Мне сразу же стали предлагать педагогическое отделение и именно под впечатлением от великого педагога Корчака я согласился. Так я стал педагогом, хотя никогда в жизни и не думал об этом. А лет восемь спустя я рассказал об этих совпадениях моей коллеге-учителю (мы были в трудовом лагере с детьми, в селе) и в тот же день, зайдя в сельский книжный магазин, она увидела, что на полке появилось новое издание Корчака.

Здесь возможны, как минимум, три объяснения – религиозное, мистическое и психологическое. Оставим первые два людям верующим и верящим и рассмотрим последнее.

Возьмем тот пример, когда человек читает рассказ о лилипутах и в тот же вечер видит телепрограмму о лилипутах. Вероятность такого совпадения чрезвычайно мала. Но очень многие происходящие с нами события, вообще говоря, имеют почти нулевую вероятность. Почти нулевой была вероятность того, что на свет родится данный человек, вы или я, что гены скомбинируются именно таким образом и что соединятся именно эти родительские клетки. Если мы засечем абсолютно точно время смерти некоего старика, то окажется, что вероятность его смерти именно в этот момент была близка к нулю. Если бы после прочтения рассказа о лилипутах телепрограмма оказалась не о лилипутах, а любой другой, она не обратила бы на себя внимания. То есть, любая вновь воспринятая идея оставляет после себя медленно гаснущий след внимания и, выражаясь образно, любая пылинка, попавшая в этот след, вспыхивает как звездочка. Новая идея заставляет обратить внимание на ближайшую сходную с нею. Можно объяснить и тройные, и более сложные совпадения. Если я два раза за утро встречаю людей, принадлежащих к одной группе, ИДЕЯ СОВПАДЕНИЯ овладевает моим вниманием – и дает тот самый гаснущий след, который есть возможность следующего совпадения. Та структура совпадений, которая приведена в примере о Януше Корчаке, настолько сильно овладела моим вниманием, что ее след растянулся на годы и "вызвал к жизни" следующую подобную структуру.

К этой же категории неожиданных совпадений можно отнести и вещие сны, предсказания будущего, гадания и приметы, полосы везения и невезения. То есть, большая часть суеверий представляют собой квантовые эффекты психики.

Примечание:

Это объяснение не является единственным и имеет свои недостатки. Одним из существенных недостатков является то, что оно не объясняет эстетическую сторону дела – то, что линии судьбы очень часто сплетаются КРАСИВО, чему можно найти множество примеров как в повседневной жизни, так в биографиях великих людей или произведениях писателей.

4) Эффект снежного кома

Иногда кажется, что сильная идея, овладевшая человеком, организует события в свою пользу. Если человек очень сильно стремится к цели, то совершенно независимые от него события начинают происходить таким образом, что «работают» на идею. Случайности складываются так, чтобы помочь достижению цели. Иногда кажется, что тебя несет какая-то волна случайностей, будто кто-то направляет твоё движение по избранному пути. На самом деле «воспламенившая» человека идея включает дополнительные механизмы сознательного и подсознательного сканирования возможностей, скрытых в окружающем мире и самом себе. Если раньше мы проходили мимо смутной подсказки, не замечая ее, то теперь она кажется очевидной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.